

С Е Л И М Я Л К У Т

ХОДИЛИ МЫ
ПОХОДАМИ

Селим Ялгут

Ходили мы походами (сборник)

«Алтейя»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ялкупт С. И.

Ходили мы походами (сборник) / С. И. Ялкупт — «Алетейя»,
2018

ISBN 978-5-906980-33-5

Повесть и рассказы о недавнем памятном времени, о его людях и обстоятельствах написаны с чувством ностальгии и тонкой иронии. Обобщены американские впечатления автора, особенно интересны рассказы о художниках.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906980-33-5

© Ялкупт С. И., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

Ходили мы походами	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Селим Исаакович Ялгут

Ходили мы походами

© С. И. Ялгут, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Ходили мы походами

*Бывает иногда обидно -
плывешь, плывешь, а берега не видно.
Народная мудрость.*

1

С Аркадием У. я познакомился у Городинского несколько лет назад, обменялся телефонами, но отношения оставались вялыми. Такова особенность нового времени – суетливого, подталкивающего к переменам. Совсем не то, что прежде, потому и вспоминается особенно ностальгически, буквально, со слезой.

Общительный Городинский имел множество приятелей, знающих друг друга больше понаслышке, благодаря его таланту рассказчика, умеющего выжать эмоции даже из скалы. На день рождения Городинского мы сходились, как бы подтвердить реальность существования друг друга, сравнить услышанное ранее с увиденным воочию. Естественно, с отъездом Городинского в Америку эти связи распались сами собой и понадобилось его неожиданное возвращение домой, чтобы мы – старые знакомые встретились еще раз. Впрочем, по другому поводу и далеко не в прежнем праздничном составе. Тогда же встретились опять и мы с У. Но об обстоятельствах приезда Городинского, пожалуй, стоит рассказать подробнее.

Городинский – еврей считал себя *русским интеллигентом*, с равномерным ударением на обоих словах, что обозначает не столько диплом о высшем образовании, сколько духовную связь с типом культуры, немислимой без подвижничества и *нравственной позиции*. Для этого были основания. Городинский преподавал в школе русский язык и литературу, причем преподавал хорошо, не только методологически, но раздвигая рамки программы за счет имен *серебряного века*, *задушенных тридцатых-пятидесятых* и новой прозы. Начальство терпело его вольтерьянство за бесспорный педагогический талант и напористо-остроумную манеру общения, опасную для дураков. Видно, начальство знало о себе нечто такое, что с Городинским не связывалось. А молодежь (Городинский вел старшие классы) его просто боготворила. Так что до поры до времени Городинский ходил гоголем. Но он почитывал самиздат, активно обменивался им с друзьями и попался, причем совершенно нелепо. Зашел к известному писателю-диссиденту с недозволенными книгами и угодил на обыск. Дальше история пошла, как по писаному. Писатель поехал в эмиграцию, а нестигаемый Городинский отправился на два года в лагерь. После возвращения уже сами ревнители народного образования позаботились, чтобы закрыть ему путь к подрастающему поколению. Впрочем, педагогический пафос Городинский в лагере растерял, работал страховым агентом, а потом, когда интерес к его личности поутих, пристроился в вечернюю школу. Там идеологический надзор был слабее, считалось, что рабочая молодежь сама сумеет дать проискам Городинского должный отпор. Тем более, Городинский и не старался, зарабатывал, в основном, репетиторством. Тут ему не было равных. Городинский укрепил многих, желающих посвятить себя русской словесности, отправил их в Москву, в Тарту, у нас помог прорасти. Так что в основе нынешней литературной школы лежат и камни, заложенные Городинским. Пусть незаметные с виду, но важные. Пока Городинский фрондировал и *сидел*, время тоже не стояло на месте и понятие *русский интеллигент* подверглось некоторому пересмотру. Сформировались претензии, и в конце концов против Городинского выстроилась команда его новых гонителей, утверждавших несовместимость Городинского и предмета его подвижничества, так сказать, по этническому признаку. Все это не могло не раздражать. Поэтому, чтобы подвести черту, не забудем упомянуть энер-

гию еврейского упрямства и идеализма (тут их можно спутать), направленную на утверждение в достаточно трудном деле.

Городинский много шумел, любил выпивку. И сам алкоголь, и процесс его поглощения, стихию долгого задумчивого застолья с гитарой и поэзией. Он и сам сочинял по случаю, одаривал друзей и готов был читать на память целый ворох, экзальтированно отмахивая рукой. Анненского, Бальмонта и далее через весь алфавит с остановками из нескольких имен почти на каждой букве. Некоторая избыточная (авторская) манера чтения объяснялась тем, что к вдохновению человека, одержимого поэзией, примешивалась капля мазохистской горечи, истекавшая из особенностей происхождения. Сам Городинский смешно копировал еврейские интонации в эмигрантских аргументах *за* и сам же отвечал на них *нет* с твердостью каменного степного идола. Он был готов испить чашу и, как показала двухлетняя отсидка, действительно, отхлебнул из нее несколько глотков.

Но времена шли и неожиданно изменились. Теперь в бурных волнениях *перестройки и гласности* немало демократических скороспелок были готовы поменяться с Городинским одежкой, сменить комсомольский пиджачок на героическую телогрейку. Но сам Городинский оказался от всего этого далек. И ранее казалось, более своих слушателей, он уверяет самого себя. Так что теперь – то есть два года назад, Городинский неожиданно собрался и уехал вместе с женой, которая когда-то терпеливо дожидалась возвращения Городинского из лагеря, а позже погоревала в связи с его уходом к другой женщине. Эти метания проглотили несколько лет *застоя*, и тогда, если вспомнить, страсти кипели. В отличие от спокойной и несколько флегматичной жены, подруга Городинского была женщиной крайне эмоциональной, даже с избытком эмоций и фантастически худела всякий раз, когда Городинский пытался вернуться в семью. Тут разыгрывалась настоящая драма. За день разлуки подруга теряла около килограмма, причем постоянно – и это самое впечатляющее! – наращивая скорость. Разбитая любовь, как это бывает, опровергала фундаментальные свойства материи. И проявляла себя столь демонстративно, что, казалось, еще немного и подруга Городинского испарится, истает без следа в огне губительных переживаний. Городинский сдавался – тут тоже сказывалась интеллигентность, – тяжело объяснялся с женой, надевал через плечо спортивную сумку и возвращался к подруге. Сам он, отъевшись после лагеря, больше не поправлялся и не худел, держал вес, независимо от жизненных обстоятельств. Так что женщинам было, что сказать ему в трудную минуту, бросить в лицо – и бессердечие, и эгоизм, да мало ли... Но кого можно здесь упрекнуть?

– Хреново. – Стоически резюмировала жена. – Он опять удрал. – В трудные минуты женщина позволяла себе крепкое словцо. Она тратила на него последний пятак из разбитой копилки и вновь начинала собирать, терпеливо откладывая по крупице, дожидаясь своего часа.

Ирония – сама по себе художник, перекраивающий драму в спасительный фарс, чтобы уберечь действующих лиц от разрушения и гибели. Когда с годами острота отношений стала спадать, Городинский научился составлять маршрут утренних пробежек с промежуточным финишем в оставленной семье. Он очень скучал по сыну, который родился за несколько месяцев до посадки в лагерь, и теперь вновь ощущал нехватку мужского воспитания. Тут вечерняя школа давала Городинскому преимущество, с утра он мог не спешить и оббегал обе семьи – брошенную и нынешнюю. Жена Городинского даже в самое безнадежное время не спешила устроить личную жизнь, хотя могла, но предпочла нести крест, оставаясь живым укором непутевому супругу. Поскольку речь и впредь не раз будет касаться национальности, здесь можно добавить, что подруга Городинского была сплошь русской, а жена – лишь наполовину. Другая половина состояла из немецкой крови. По-видимому, более медленное течение именно этой крови определяло и более спокойный обмен веществ, а, как результат, долготерпение и выдержку – качества, которые еще нужно успеть оценить. Известно, что поэтические натуры стремятся к гибельным крайностям, и финал драмы можно было предсказать, как казалось,

не в пользу жены. Тем более, если вспомнить бытующий в истории тезис, что немцы выигрывают все сражения, кроме последнего. Немцы будут упоминаться и впредь, поэтому сравнение можно признать уместным. Но здесь, будто в утешение не только жене, но и всей немецкой нации, жизнь рассудила иначе. Городинский вернулся, но не просто, как в былые разы, а *с целью*. Истерзанная семья воссоединилась, и супруги стали лихорадочно собираться. Багаж Городинский не отправлял, а мебель раздал друзьям за ничтожную, чисто символическую цену, уверяя, что так она простоит дольше. Поскольку жизнь в окружении Городинского была полна литературных аллюзий, можно сказать, что несколько пухлых чемоданов вполне смогли бы разместиться на заднике декабристского возка, а судьба жены – тоже, кстати, филолога, обрела сюжетную завершенность. Следует добавить, что исчезновение из продажи чемоданов было одной из первых примет нового времени, и тут Городинский еле успел. Пока же он наспех повторял английский, учился водить машину, вечерами беспробудно пьянствовал с друзьями, как бы впрок, на долгие годы вперед, а жена укладывала одежду, отбивалась по телефону от истончаемой страстями соперницы, и поверх вещей не забыла забросить заветные книги, за которые ее муж был некогда изолирован от общества. Теперь они продавались на каждом углу, а само *разбуженное общество* (как тут вновь не вспомнить декабристов и Герцена) упивалось подвязками Анжелики и состоянием гемоглобина графа Дракулы. Каково было это видеть? Да, нужно было ехать. Ехать.

На сумеречном вокзале крупная фигура Городинского выделялась светлым костюмом. Он сосредоточенно перебирал в бумажнике тугую пачку денег, привыкая к виду *зеленых*, отделяя их от наших, отечественных, которые еще должны были послужить в Москве. И не дальше. Жест был устремлен в близкое будущее, губы Городинского шевелились, смыкались в трубочку, как у алкоголика при мысли о близкой выпивке. Сравнение сомнительное, но сам Городинский, я уверен, не возражал бы. Сейчас он оставался с нами лишь частью своего беспокойного естества, другая была уже в переезде, в полете, предстоящих заботах и хлопотах. Последнее, что я услышал от него, чтобы *все кончилось быстрее*. Сказано было вполголоса и, уверен, не мне одному. Городинского любили, это была утрата. Народа собралось много. Грянули *проводы славянки*. И тут он успел. Вскоре московские поезда стали отправлять проще, без музыкального надрыва. Но пока братские эмоции еще не изжили себя окончательно. Поезд вздрогнул и пошел. Городинский покатиł навстречу новой жизни, вызывая у провожающих резь в глазах и нестерпимое желание напиться. Так многие и поступили...

Вместе с женой и сыном Городинский осел в районе большого Нью-Йорка. Несколько позже я увидел эти места глазами Сола Беллоу. Невыразительные, скучные, серые. Или кирпично-красные, не помню точно, просто *серые* передает состояние точнее. Но Городинский не унывал, слал гордые письма. Подчеркивал, в частности, что не сидел на пособии ни дня. Учитывая экзотичность его профессии для нью-йоркского пригорода, это и впрямь было достижением. По-видимому, чувство извечного изгойства воспитало в Городинском особую щепетильность, удерживая от дармовщины даже из рук богатого дядюшки Сэма. Сам Городинский сразу определился на стройку, жена пошла няней. Это были первые, еще неуверенные шаги. Со временем Городинский мечтал вернуться к литературному труду. Можно думать, он все еще нуждался в самооправдании, так как пророчил, что *здесь все равно никогда ничего не будет*, путаясь, подобно другим новым эмигрантам, в обстоятельствах места. Но *процесс* начался и *пошел* (терминологическая примета эпохи!) в том разумном соотношении, когда неудовлетворенность служит средством обновления и достижения практического результата, а не спадом в эмигрантскую депрессию. Прошло несколько месяцев, полугодие, когда случилась беда. Заболел отец Городинского.

С отцом Городинского вышла такая история. Ехать с сыном он категорически отказался, не хотел быть в тягость. Городинский впадал в истерику, уверяя, что все будет как раз наоборот (у них *там* не так, как у нас), и именно отцовское пособие будет на первых порах твердой

опорой семьи. Казалось бы, правильно и логично. Но у стариков свой расчет, уходящий за горизонт нынешней жизни, и они не склонны посвящать в него детей, которые как раз и принимают этот расчет за старческое упрямство. Ошибку молодости, мыслящей рационально, следует считать *биологической*, чтобы объяснить ее постоянство. Но дело даже не в этом. Отец был активен, ухожен, имел любящую жену – мачеху Городинского, с которой проработал многие годы на заводе антибиотиков, или попросту, *пенициллиновом*, слышном за несколько кварталов по тошнотворно сладкому запаху. Они отправились на пенсию *ветеранами труда*, заслуженными людьми с ощущением правильно прожитой жизни. Зачем отцу было куда-то ехать? Вот именно... он так и говорил. Главное, чего он хотел, вернуть сына в семью из романтических скитаний, пусть даже выпроводив его за границу. Тут он способствовал процессу. Подругу Городинского так и не принял. То была, повторяю, достойная женщина, и поведение отца казалось порой жестоким и несправедливым. Но житейская мудрость отнюдь не добродушна, и даже последняя стадия любовной дистрофии не способна ее поколебать. Мать Городинского умерла очень давно, отец вырастил сына сам и повторно женился, когда Городинский был уже студентом. Мало сказать, что Городинский младший любил отца, он был предан ему до самозабвения, а точнее, до тех пор, пока в дело не вступали любовные страсти. Русская литература знает такие примеры и лучшего аргумента в защиту Городинского не найти. В общем, Городинскому так и не удалось сломить упрямство отца, и он уехал, рассудив, что тот соскучится по внуку, придет погостить, а там станет видно. Но преклонные лета – не тот возраст, когда можно всерьез что-то рассчитывать и строить планы.

Несколько лет назад отцу удалили опухоль кишечника. Тогда казалось, все обошлось благополучно, и он отделался лишь грыжей по линии щедрого, через весь живот разреза. По сравнению с масштабом проблемы это считается у нас пустяком, *подумаешь, грыжа*. И действительно, годы шли, болезнь о себе не напоминала. Но стоило Городинскому уехать, вспыхнул рецидив. Сразу обнаружились метастазы, повторная операция была бессмысленной. Жизнь обрела новый, беспощадный и точный ориентир. Для Городинского известие было страшным ударом. Сначала думали вообще не сообщать, но потом решили следовать американской традиции – выкладывать все, как есть, без утайки. Расчет Городинского на счастливую встречу рухнул, и теперь он изводился, не зная, как помочь. Слал таблетки, травяные чаи, доллары, умолял покупать все свежее, *с базара*, особенно ягоды. Как раз тогда был сезон. Тлеющее чувство вины вспыхнуло с новой силой. Обо всем этом я знаю подробно, некоторые хлопоты по уходу за отцом Городинский возложил на меня. В частности, в связи с устройством в больницу. Городинский прислал деньги специально на этот случай. Но отца взяли *и так*, поместили в отдельную палату, допустили для круглосуточного ухода жену. Даже поставили ей отдельную кровать, чтобы было, где отдохнуть. Поэтому доллары пришлось не взяткой, а заслуженным подарком, вознаграждением, пусть скромным или смешным по американским меркам, но у нас – на уровне месячной зарплаты врача. Это отнюдь не говорит о чрезмерной щедрости дарителя, просто жизнь наша, увы, именно такова.

Докторша была хлопотуньей домашнего вида с круглым румяным лицом и избыточными формами, больше похожая на повариху. Когда я вошел в кабинет, она лежала поперек кушетки, подперев головой стену. Ноги в чулках отдыхали на стуле, домашние туфли стояли рядом, а сама поза, по-видимому, обозначала готовность немедленно сорваться и бежать, исполнять долг. Распластанная на простыне, она напоминала тюленя, взбравшегося на льдину. Дело было в воскресенье, докторша дежурила. Момент дарения был выбран не случайно, рассчитан до мелочей мачехой Городинского. Та получила воспитание в давние времена, когда взятка должностному лицу считалась серьезным преступлением, тем более – врачу, чей труд пронизан пафосом самопожертвования. Потому, отправляя меня со щекотливым поручением, мачеха Городинского беспокоилась не только за судьбу быстро слабеющего мужа, но и свою – искусительницы, и мою – орудие искушения и даже, подозреваю, видела в докторше не пресловутое

должностное лицо, а жертву жестокого соблазна. Думаю, если бы я был изгнан из кабинета вместе с деньгами – это принесло бы ей моральное удовлетворение, *вернуло бы веру*. Но ничего подобного не случилось. Докторша, не изменив позы, поглядела, как я приземлил конверт с долларами на край стола. Слова почти не понадобились. То была скромная плата за передышку от домашних тягот, еще предстоящих. С помощью той же докторши удалось сделать важное дело. Был составлен документ с бедственным диагнозом, заверен по всем правилам в больничной канцелярии и отправлен в далекую Америку. Городинский проживал в эмиграции меньше года и, чтобы отлучиться, были нужны веские основания.

От того дня у меня сохранилось еще несколько случайных впечатлений. В туалете работал единственный кран, два – над соседними раковинами стояли без ручек, а штыри густо, видно, навек, были замазаны синей краской. Прямо над ними на развороте школьного листа в косую линейку висел призыв, выполненный огромными каракулями. *Мужчины будьте людьми, а не свиньями*. Буквальное воспроизведение звукоряда добавляло призыву категоричности, и, тщательно закрыв кран, я проверил свое отражение в мутном зеркале. Больничный коридор был по-летнему прохладен и пуст, только у одной из дверей сидела в кресле (кресла старые, но были, даже в чехлах) пожилая женщина. Голова была запрокинута на спинку кресла, а на месте глаз, устремленных в потолок, стояли багровые, в поллица провалы, как осыпи на месте иссохших горных потоков. Она слышала шаги, глянула, и под мучительными корчами я отчетливо разглядел жадное, почти больное любопытство, спасательный круг, до которого важно дотянуться из темной, глубинной воронки отчаяния.

В нашей палате супруги, сидя лицом к окну и плотно сойдясь плечами, ели виноград. За окном уходило лето, верхушки старых лип просеивали свет в глубину аллеи, дробили на асфальте блеклые лепестки закатного солнца. Картина была идиллическая. На вопрос, как прошла операция с долларами, я отвечал, что удачно, без особого риска. Впрочем, и по другим приметам было видно, что времена изменились. Долгую жизнь трудно миновать в пределах одной эпохи.

Деньги Городинский слал с оказией, а фотографии почему-то решил доверить почте. Там они пропали. Случай не единичный, говорили, что в письмах ищут деньги. Возможно, вид письма с фотографиями показался искателям перспективным. Но, наконец, дошли снимки. Из телефонных переговоров отец знал, что Городинский купил подержанную машину, причем самого большого размера, какой удалось найти. В Америке обладание такой машиной – всего лишь мера предосторожности, заставляющая опытных водителей сторониться новичка. Отец Городинского – человек здравый и даже скептик (примета скорее возраста, чем характера), почему-то больше всего хотел увидеть именно машину Советское время прочно запечатлело в его сознании стандарты успеха, мастодонтовы размеры лимузина должны были явиться зримым подтверждением первых достижений сына. Было еще фото самого Городинского на зимнем курорте, куда свозил его приятель – эмигрант со стажем. Оба лыжника стояли на плоской верхушке заснеженной горы, за ними прозрачно чернел голый лес. Более унылый пейзаж, трудно было отыскать во всей Америке. Так мне показалось. Отец положил фотографии рядом с собой, на стул, заставленный лекарствами. Он пересматривал снимки по много раз на день, пока не стал угасать. Очень боялись болей. Для таких ситуаций полагаются наркотики, но (знающие люди подтвердят) выписывают их крайне неохотно, с большой долей подозрительности и придирок. Онколог, например, в отпуске, или что-то еще, причина найдется. Не мешало подготавливаться. Для улучшения сна я принес из лаборатории порошок веронала (еще оставались реактивы с прошлых времен, веронал использовали в электрофорезе) и обучил мачеху Городинского отмерять нужное количество. Она держалась стойко. Муж тяжелел буквально на глазах, рядом с ним приходилось быть неотлучно. День ото дня он погружался в забытие, *уходил*. И тут прибыл Городинский. Как оказалось, в запасе у него оставался всего день.

Поминки были в заводской столовой. Производство строго охранялось. За проходную пропускали сразу двое: начальник охраны и один из родственников, который определял: *этот наш, эта наша., этот тоже наш*. Меню, нужно полагать, было почти обычным. Несли борщ, уговаривали попробовать. Люди были одеты торжественно и тарелки передавали над столом с повышенной осторожностью. К борщу шли пирожки с мясом. Потом подали жаркое в больших тарелках, из которых раскладывали каждому в свою. Водка была в большом количестве, пили ее из белых столовых чашек. Напротив меня два ветерана обменивались впечатлениями об эпохе в обход сидящей между ними дамы с вытасненным поверх кофты нательным крестом. У дамы была короткая седая стрижка и благообразное, безмятежное лицо. Ее легко было вообразить заводской красавицей, наверно, спортсменкой и активисткой лет тридцать назад. Таких симпатичных девушек обычно посылали собирать членские взносы на всякие второстепенные общества: спортивное, *Красный крест*. И сама она бежала впереди всех, заседала, выступала, ходила в походы, была *агитатором*, а, если доверят, зачитывала со страстью постановления и резолюции. По-видимому, этот образ надежно сохранился в памяти сверстников, и сейчас они петушились, ища женского одобрения, грозились кому-то за крушение идеалов, дела, которому служили. Его вдруг не стало, растворилось прямо на глазах, куском сахара в стакане кипятка.

По улице, гаснущей в уходящем свете осеннего вечера, серьезные люди, чернея усами, несли к вокзалу желто-голубые знамена. Они возвращались в пригород с митинга. Мешанина картинок и звуков, новых непривычного вида флагов, печального лика Городинского, раздраженного кудахтанья пенсионеров, негромких похвал столовому борщу под предостерегающее *чокаться нельзя*, шаркающих за окнами ног и торопливого осеннего сумрака – такова была скорбная полифония дня.

2

Я уже упоминал, что у Городинского было множество приятелей. И отец его любил застолье. Теперь осиротевший сын, выброшенный тяжелым ударом на родную землю, пребывал в растерянности. Многие, подобно ему, отбыли в другие страны, ряды друзей жестоко поредели. Пользуясь случаем, вспомним некоторых из них.

Был молодой кандидат наук, почти доцент Малахов. Ко времени нашего знакомства он еще работал в институте, учил молодежь химии, но быстро скатывался к увольнению. На работе стало известно, что Малахов крестился, а что значил такой факт в тогдашней педагогике, еще памятно. Прежде чем уйти в религиозные искания, Малахов проверял себя, как водолаз уже в скафандре проверяет амуницию и шланги перед погружением. Отторжение от мира еще только готовилось, а пока Малахов обменивался с Городинским окраинными журналами *Литературной Армении*, *Литературной Грузии*, в которых либеральные редакторы печатали переписку и стихи опальных поэтов: Цветаевой, Пастернака. Каждый такой журнал становился событием. Малахов и внешне походил на православного: розовый, с крепенькими татарскими скулами, острыми глазками-буравчиками за толстыми стеклами очков, с аккуратно подстриженной бородкой, опоясывающей благообразное личико, как растительная изгородь поместье английского аристократа. Видно, раньше, до обращения Малахов был большой любитель поговорить и теперь перекраивал себя. Еще только входя в дом, Малахов был готов, что кто-нибудь из гостей затеет с ним разговор о духовном. Такого возможного собеседника он встречал кроткой улыбкой и обязательно предупреждал: – Если о серьезном, давайте сейчас, потом я обязательно напьюсь.

Пьяным Малахова никто не видел, глаза его и к концу вечера поблескивали трезво. По утверждению Городинского, весь фокус придумала жена, чтобы уберечь мужа от излишнего внимания дам, жаждущих откровений. Потом Малахов уволился. Сам, без скандала. Вера его была не шумной, *с крестом и пулеметом*, а спокойной, благостной, не порожистой шумной

рекой, а тихой заводью с незамутненным отражением склоненных деревьев и лиц. И делом он занялся под стать: плетением макраме и изготовлением бижутерии, которую ездил продавать в Прибалтику. У него развился талант к керамике. Бывший химик, он удачно экспериментировал с рецептурами глин и красителями, добиваясь особого качества изделий. Слава Малахова росла, он стал признанным умельцем. Вышедшему из лагеря Городинскому он рассказывал о московских друзьях, просвещавших его на пути из Вильнюса и Риги. Те, как и Малахов, были одержимы *исканием пути*. Среди прочих, обсуждали интересную идею: евреи под видом метро прорыли под матушкой Москвой шестиконечную звезду. Сейчас она обнаружилась из космоса по сильному излучению. Глядя оттуда, можно легко догадаться, кому на самом деле принадлежит доверчивый православный мир. И не только из космоса. Достаточно взглянуть в план метрополитена. – *знак!* – висящий в каждом вагоне, чтобы убедиться, уже и не скрывают. Гипотеза поражала воображение. Замысел был понятен, но конечная цель оставалась неясной. Дьявольское владение миром? Так, что ли? По-видимому, так.

– Ну, а ты как думаешь? – Надрывно спрашивал Городинский. В лоб приятелю. Из лагеря он вернулся желчным, оттаивал понемногу, но так до конца и не отошел.

– Чепуха, конечно. – Успокаивал Городинского Малахов. – Зачем *им это* нужно? Хотя, заметь, строил метро Каганович.

Говорил Малахов ясно, дополняя слова кроткой улыбкой. Он не искал выгоды, врагов, агрессия была ему чужда. С его аргументами было трудно спорить. В семье Малаховых всем заправляла жена. Она нашла печь для обжига, раскрашивала керамические медальоны и бусы, тащила их на прибалтийские базары. И, в конце концов, будто сбившись с дороги, утащила самого Малахова в Южно-Африканскую республику. Это случилось давно, без огласки, сама эта республика казалась тогда местом совершенно потусторонним, так что и Каганович вряд ли бы смог туда докопаться, разве что Сталин бы приказал...

За выездом в те годы следили строго, и внезапный бросок Малаховых представлялся нам – остающимся, чем-то невероятным. Уже в новые времена, незадолго до отъезда Городинского жена Малахова успела побывать у нас, на родине, переводчицей в составе какой-то делегации. По приезду тут же отправилась в церковь. Оказалось, в Южной Африке она пережила духовную драму. *Исцеления* – так она поясняла. Вначале привычная вера в мужа – а он и там быстро пошел в гору, как керамист, – частично подменяла ей собственный религиозный опыт. Церковь она посещала, больше следуя ритуалу, чем насущной потребности. Но однажды, когда она, почти досужая, заглянула в храм, в преддверии какого-то заурядного по духовным меркам дела, можно сказать, больше из суеверия и потребительского желания выхлопотать у Господа лишний шанс, туда ворвались чернокожие террористы и стали молотить из автоматов направо и налево, во все стороны. Тогда же в кейптаунский порт зашел первый советский корабль, и несколько моряков, заглянувших в церковь, были ранены и убиты. Буквально, рядом с женой Малахова. Она запомнила себя лежащей, уткнувшей голову в пол. Навалившись на нее, хрипел, умирая, моряк, перед глазами плыли по мрамору красные ручейки. Спина потеплела от крови, непонятно – своей или чужой. Страшный случай отворил в душе шлюзы. Это был перст, указание, и теперь она следовала ему со всем пылом. Своей энергией удивила даже Малахова. Тот отстоялся в вере, определил уровень и привычно претендовал на роль ментора. Но теперь жена двигалась самостоятельно, и сам Малахов казался ей человеком буржуазным, успешным и потому скучным. *На грани пошлости*. Так было сказано.

– Не понимаю все-таки, – богохульствовал Городинский. – Зачем гробить столько народа, чтобы обратить эту ослицу? Хотя, – тут в Городинском просыпался педагог, – такую тупость иногда видишь, что, действительно, готов убить.

Еще вспоминался один из постоянных собутыльников Городинского, ныне тоже пропавший, со смачной казацкой фамилией Сагайдачный. На праздниках Сагайдачный являлся всегда энергичный, бравый, доброжелательность была из него розовым фонтаном. Носил Сагай-

дачный потертый пиджак, ковбойку и других нарядов, по-видимому, не признавал. Нос, похожий на плохо скатанный налистник, был приставлен к лицу небрежно, глаза косили, очки в бабушкиной оправе ерзали, как хотели. Украшением, которое в среднем возрасте начинаешь ценить, была нечесаная, дремучая шевелюра, торчащая во все стороны. Сагайдачный постоянно запускал в нее пальцы и, казалось, даже протирал их во время еды. И в трезвом виде Сагайдачному было не занимать бодрости, но подлинный талант открывался по мере выпитого. Тут, как персонаж О'Генри, Сагайдачный мог заговорить любого. Возбуждался он постепенно, бледнел, все чаще, громче и всегда остроумно вмешивался в разговор и, наконец, взмывал. Теперь Сагайдачный уже не давал себя перебить. Это был законченный тип религиозного проповедника, редкий по таланту, но, поскольку Сагайдачный пользовался своим даром от случая к случаю, то и сыпал горячими углями, куда попало, не щадя ни слушателей, ни себя. Чудовищный всплеск горечи готов был затопить все подряд.

– Кому, кому сказать? – Выкрикивал Сагайдачный, продираясь сквозь колючие заросли современной истории. – Кому? Дочери? Дочь – дура. Жене? Х-ха. Жена – предатель. Ну, нет. Думают, всё!!! Думают, можно вилок переверачивать. Так? А-а-а... Думают, сдох, сдох Пилсудский. Так или не так? Не так, дорогие, не так. Но сказать не-ко-му. Нищ и наг.

Приблизительно так это запомнилось. И причем здесь Пилсудский? Ирония состояла в том, что вся обстановка – праздничная и мирная никак не располагала к откровениям. Дело обычно было летом, на даче, во время дня рождения Городинского. Жена Сагайдачного была, как теперь вспоминается, в чем-то светлом. Например, в белом жакете с большими накладными плечами по последней моде. Сидела на старой скамейке рядом с огромным, разросшимся поперек дорожки цветущим кустом жасмина, и, не отрываясь, глядела перед собой. Поза ее – нога за ногу была чуть напряжена. Светлые волосы распушены. Ладонями плотно охватывала колено. Она, несомненно, была весьма привлекательна. Речь мужа гневно неслась с веранды поверх голов, в звоне грязной посуды. Сагайдачный всегда держал возле себя нескольких благодарных слушателей, в том числе, отца Городинского. Остальные, негромко переговариваясь, чтобы не мешать монологу, разбирали плавки, подстилки и собирались на пляж. От сарая Городинский тащил старые доски, готовил дрова для шашлыка. Только Сагайдачный продолжал вещать.

И дальше год от года он совершенствовался в экзистенциальных метаниях, увязая в опасном для душевного здоровья болоте. – Кто ты мне такой? – Спросил он Городинского, когда тот позвонил, напомнить об очередном дне рождения. – Ну, кто ты такой, если честно? – Городинский молчал, сраженный масштабностью вопроса. – Молчишь? А я тебе скажу. Чужой человек, вот кто. Так что не нужно притворяться.

– Как вам нравится? – Вопросал Городинский. Обычно находчивый, он не смог подобрать достойный ответ и теперь злился и на приятеля, и на себя – *Кто я ему такой?* Вы слышали? Да пошел ты к чертовой матери.

Кстати, то был один из последних сборов компании. Социальные перемены сказывались вполне ощутимо. И Сагайдачный подтвердил это одним из первых. Жена и дочь увезли его в Израиль. Кто бы мог подумать? Из письма Городинский узнал, что в городке, где живет семья, любят по любому поводу запускать фейерверки, но сам Сагайдачный относится к ним с недоверием, полагая, что легко и беззаботно долго не проживешь. Во время *Войны в заливе* Сагайдачный запросился поближе к армии, готов был и на фронт. Тогда, как известно, обошлось, без масштабного кровопролития, но Сагайдачному в любом случае указали на его место в тылу. То ли возраст был не тот, то ли фамилия (Сагайдачный утверждал, что именно так, *везде одно и то же*), то ли еще по каким-то причинам, которые всегда сыщутся в тайных бюрократических расчетах. И здесь судьба уготовила Сагайдачному роль досужего наблюдателя, подтвердив, что подлинная философия оправдывается самой жизнью и в этом смысле не столько призвание, сколько участь.

3

Такие были люди. Были, но разъехались. Хорошо, что не все. Городинскому было на ком отвести глаз в те скорбные дни. Это подтвердил *девятый день*, когда мы сошлись на квартире покойного в старом *хрущевском* микрорайоне. Зелень, как джунгли, глушила дома по самые крыши. Вид сквозь окно напоминал внутренность нечищенного аквариума. Не хватало только присосавшейся к стеклу улитки и пары плоских рыб, слоняющихся в поисках червяка. И внутри комнаты было сумеречно, как в подводном царстве. Сидели за столом тесно, сплоченные общей печалью. Как бы вопреки этому настроению, я не могу отделаться от диковатой мысли, что душа покойного не только устраивает в этот день свой последний земной праздник, но и пребывает на нем отнюдь не сторонним наблюдателем. Как актер кукольного театра, она лучше всех знает характеры своих персонажей и найдет ниточку, поддержать, доставить себе удовольствие. Если покойный питал при жизни склонность к юмору, прислушайтесь, вам удастся расслышать таинственное хихиканье.

Заметен был старинный друг Городинского по фамилии Францевич. Несколько веков род Францевича упоминался в шляхетских анналах. Портреты его предков даже в недавние, народолюбивые времена висели в провинциальных музеях, а теперь и вовсе вызывали интерес. Иногда Францевич упоминал об этом со спокойным достоинством человека, ждущего своего часа. Городинский называл Францевича фамильярно – Кокой, другим это бы в голову не пришло. Францевич умел держать дистанцию и только Городинского любил особо за постоянную готовность выпить и душевно поговорить. Презрение к суете и точный ум, дисциплинированный математическим образованием, делали Францевича интересным собеседником. Это был достойного вида персонаж с точным профилем, который и впрямь можно было завершить графской лисьей папашой. Сейчас контражур балконной двери доказывал это со всей очевидностью. Высокий лоб украшала пепельная прядь, которую Францевич раз за разом неторопливо выкладывал за ухо, массируя седеющий висок движением породистой кисти. Когда я, чуть опоздав, уселся поблизости, Францевич вел привычный для себя неспешный разговор с дамой с прямой спиной и в седеньких буклях. Преклонных лет, она напоминала бонну из богатой старорежимной семьи, выписанную, пожалуй, из-за границы. И разговор шел именно о воспитании. *Фребелический* – вот нужное слово из той давнишней эпохи. Родовая память Францевича, по-видимому, хранила, подходящие воспоминания. Пока я устраивался, ловя обрывки разговора – а речь шла о малолетнем внуке Францевича, – в разговор настойчиво пытался вмешаться еще один гость – прямо напротив меня, плотный с круглой, коротко стриженной головой, похожей на шар. Человек сидел на диване, уйдя по самые плечи в пространство, скрытое столом. Только голова, как бы сама по себе, вертелась поверх скатерти и тарелок, ловя еду губами. Бутылок между нами почти не было, а с водкой не было совсем. Жена, сидящая рядом, старательно уводила их от мужниного взгляда, отодвигала подальше. На это я обратил внимание, когда и сам занялся поисками водки, под разговор приглушенный и чинный, подобающий печальному событию. Людей этих я знал, соседи по лестничной клетке они много помогали в последние дни. Теперь сосед пытался принять участие в умной беседе, которую неторопливо вел Францевич. Но тот не давал, замолкал, и, будто не слыша, вел тему дальше, повторяя некстати оборванную фразу. Вынужденная пауза подчеркивала значительность сказанного, и заодно подтверждала важность того самого воспитания, о котором рассуждал сейчас Францевич – слушать, если так повезло, умного человека, не перебивая. Разговор тянулся уже долго, но, наконец, и Францевич не выдержал. Величавым движением он вознес над столом руку и попросил бестактного собутыльника дать свою. Рука того возникла из-под стола, будто занятая каким-то сомнительным делом, и достигла руки Францевича. Это была большая пухлая рука, явно знакомая с физической работой. Францевич осматривал ее подробно и долго, вер-

тел, нажал длинными пальцами между костяшек, оценил состояние сбитых ногтей, задумался над ладонью, в общем, трудился, пока, наконец, не отстранил от себя, возвращая владельцу. Остальные внимательно наблюдали. Действия Францевича были необычны.

– Я знаю тебя. – Объявил торжественно Францевич, закончив осмотр. – Ты – слесарь.

Собеседник Францевича, не предполагая, как и все мы, развития сюжета, следил за манипуляциями с собственной рукой дружелюбно и заинтересованно. Он был готов признать авторитет Францевича, превосходство и тонкость его ума и, пожалуй, даже происхождения, если бы об этом было заявлено. Это был добродушнейший малый. И следил он с лукавой надеждой на ошибку *барина*, которая должна была уравнивать их обоих в дальнейшей беседе. Теперь обладатель рабочей руки объявил с плохо скрытым торжеством.

– Я – не слесарь.

– Нет, – голос Францевича не знал сомнений, – ты – слесарь.

– Нет, не слесарь.

– А кто? – Не выдержал я.

– Я – *распылитель*.

– Кто, кто?

– Он – распылитель. – Подтвердила жена. Мы с ней определяли, как бы вторую группу участников разговора, менее заинтересованных и потому более объективных.

– Красит машины на станции техобслуживания. – Прояснила жена для всеобщего сведения.

– Да, я – распылитель. – Подтвердил муж с гордостью. Действительно, было чем гордиться, за три дня он зарабатывал больше, чем мы с Францевичем за месяц.

– Этого я не знаю. – Францевич отверг возражения голосом оперного вельможи и окончательно отстранил от себя руку. – Кто такой распылитель, я не знаю. Но ты – слесарь. – По-видимому, Францевич проник в глубинную, метафорическую суть слесарной профессии и не допускал более поверхностных толкований.

– Я был слесарем. – Последовало неожиданное признание. – Но теперь я не слесарь. Я – распылитель.

– Вот видишь... – Сказал Францевич ласково. И добавил поучительно для нас – слушателей. – Слесарь – это на всю жизнь. Даже, если теперь ты этот, как его, распылитель.

– Хрущев Никита Сергеевич – тоже бывший слесарь, – сказал я. – А стал известно кем. Туфлем по трибуне стучал.

– Исключения украшают правило. – Францевич не дал себя сбить и вернулся к прерванному разговору, оставив бывшего слесаря в смятении, искать глазами бутылку. Сделать это было непросто. Жена предусмотрительно расставляла крепкие напитки, чтобы погруженный в диван муж не мог до них дотянуться. И выдавала каждый раз с большой неохотой. Более других была смущена дама – собеседница Францевича. Она была соседкой снизу и телом примыкала к демократическому лагерю, даже находилась в нем физически, так как сидела рядом с бывшим слесарем, но уже на стуле. Однако, беседуя с Францевичем, не могла не проникнуться его аристократизмом. И беседа текла дальше, столь же спокойная и неторопливая.

Распылитель с женой, тем временем, рассказали мне, что, имея достаточные средства, хотят дать хорошее образование детям, но пока не знают, как именно.

Я поддакнул, что распылитель – весьма достойная профессия, нечто вроде дизайнера, и многие наши эмигранты, особенно художники, начинают новую жизнь именно с нее.

– Да, – подтвердил Городинский с другого конца стола, – но у негров лучше выходит. Особенно, если машина черная.

Как видно, все были хороши. Францевич пришел прямо с работы и теперь опьянел. Его седенькая собеседница исчезла как-то загадочно и внезапно, как добрая фея из сказки. Лишь занавеска на балконной двери шевелилась, будоража воображение. Распылитель пере-

стал теребить жену и теперь ориентировался на меня, вовремя подставляя рюмку. Жена смотрела с явным осуждением. Лицо у нее было усталое, а теперь еще напряженное. Пришли они по-соседски, не одеваясь специально. Кожа в вырезе платья раскраснелась, тыльной стороной кисти она вытирала сухой лоб. Было по-осеннему свежо.

Наконец, стали подниматься. Францевич пошатнулся, потом еще раз, размах его крупного тела был замечен, особенно здесь в небольшой комнате. Он опустился на стул, переборол себя и вновь встал, собираясь уходить. Видно было, он здорово пьян. За окнами стояла густая темень, добираться было неблизко. Верный Городинский спешил на помощь. Ситуация была не частая, но знакомая, а для Городинского и вовсе ностальгическая, так что откликнулся он со всем пылом.

– Пойдем, Кока, пойдем. – Ворковал Городинский, увлекая друга в другую комнату. Тот вяло сопротивлялся, но Городинский умел быть настойчивым.

Все, между тем, встали, разминаясь перед чаем. Женщины понесли на кухню грязную посуду. Пустые бутылки убрали, а недопитые составили пока на сервант. Жена распылителя помогала в уборке, не забывая присматривать за мужем. Она, видно, не предполагала в нем должной умеренности. Но тот спокойно отправился на балкон, курить.

– Готово. – Городинский вернулся к гостям, аккуратно прикрыв за собой дверь. – Пусть поспит. Что тут у вас происходит?

Недавние эмигранты часто задают такие вопросы. Они неизменно поражают меня лицемерием. С таким видом прибывают в родное село новоиспеченные горожане. В черных брюках и белых нейлоновых рубашках – так, по крайней мере, я вообразил – они более всего хотят отрешиться от недавнего прошлого, отторгнуть собственное происхождение. Именно так мне до сих пор казалось. Но в искренности Городинского сомневаться не приходилось. Потому сейчас я путано и пьяно размышлял, может и впрямь есть столь глубокое различие между нашими мирами, что заставляет вот так, буквально с хода вытравить весь прошлый опыт, отбросить его, как старую кожу, чтобы потом наткнуться на нее с некоторым удивлением – чья? В конце концов, если глянуть на нас всех из глубины космоса, куда сейчас готова была устремиться душа покойного, мы явно ходим по земному шару в разные стороны головой.

Размышляя так, я вяло наблюдал, как распылитель появился на пороге балконной двери, небрежной походкой подобрался к серванту, плеснул в рюмку, сглотнул и тут же укрылся вновь на балконе. За дверью с отдыхающим Францевичем тоже шло какое-то движение. Я беседовал с вдовой под хор негромких голосов. Распылитель вновь появился в комнате и повторил маневр. Я поискал глазами жену. Она только что была и прошла на кухню. Оттуда гремела посуда. Тактика мужа прояснилась. Сквозь оконное стекло он следил за перемещениями жены и появлялся на заветной траектории к серванту точно в срок, без риска быть обнаруженным. Я пришел в восторг от своей догадки, тем более, распылитель еще раз подтвердил мою правоту. Приятно чувствовать (это я про себя) пьяным и правым одновременно, возникает некий восторг обладания истиной, сродни вдохновению.

Тут дверь в соседнюю комнату распахнулась, и на пороге объявился Францевич. Кроме аккуратных белых плавок он был абсолютно гол. Все как-то затихли. Народ собрался бывалый, но и картина наблюдалась необычная.

– Это ты его раздел? – Тихо спросил я Городинского.

– Я. – Городинский не мог оторвать взгляд от друга. – Он сказал, что спать будет. Я постелил.

Между тем Францевич постоял на пороге, картинно перечертив дверной проем, и двинулся к нам, *в люди*. Нужно сказать, шел он теперь вполне уверенно и, если бы не явная нескромность в туалете, выглядел, пожалуй, трезвее многих. Впрочем, претензии к туалету казались сейчас неуместными. В явлении Францевича было нечто библейское, особенно впечатляли босые ноги. Все затихли и ждали.

– Чаю, если можно. – Попросил Францевич и уселся к столу.

Женщины забежали, казалось, Францевич начнет отпускать им грехи. Между тем, из кухни вернулась соседка, остолбенело уставилась на Францевича, взгляд ее заметался, отыскивая собственного мужа. – Коля, – звала она, – Коля.

– Он, по-моему, на балконе. – Подсказал я. Было нечто знаменательное, что, несмотря на разность родословной, собутыльники оказались тезками.

– Кока, – позвал Городинский заискивающим голосом, – *ты как?* Тебе не холодно?

– Мне хорошо. – Сказал Францевич. – Мне хорошо.

Соседка тащила с балкона упирающегося мужа. Глаза его были погашены. Францевич встал и, шлепая босиком, подошел к недавнему оппоненту. Обнял его. Круглая голова пролетария легла на голую грудь аристократа и устроилась на ней, сладко причмокивая.

– Идем, идем. – Торопила жена.

– Слесарь, – ласково говорил Францевич, поглаживая круглую голову, будто пробовал мех диковинного зверя. – Слесарь.

– Коля идем, умоляю.

– Иди, Коля. – Францевич первый раз назвал тезку по имени. – Иди, Коля, и помни... – что помнить, Францевич так и не пояснил, будто речь шла о тайне, известной только двоим. Он отодвинул слесаря, вернулся за стол и вновь попросил чая.

Жена воспользовалась случаем и утащила мужа. Остальные наблюдали сцену молча, даже как-то торжественно. Быстрее всех разобралась в ситуации мачеха Городинского. Она была во всем черном, ажурный платочек прикрывал голову.

– Может, верональчику ему? Верональчику? В чаек?

– Не нужно. – Сказал я авторитетно. – Он чая выпьет, и сам заснет.

– Какой верональчик. – Воскликнул Городинский, страдая. – Если давать, так всем. Мне первому.

Вот тут мне и почудился тихий смешок...

... Возвращались мы вместе с Аркадием У. Собственно, эти страницы – затянувшийся пролог к сюжету, в котором джинсовый лик Аркадия будет мелькать постоянно. Я и так достаточно долго удерживаю его от выхода на сцену Просто в наше фантастическое время, описание обстоятельств, даже не связанных прямо с похождениями героя, бывает не лишним. Помогает что-то понять. Жаль расставаться с воспоминаниями, хочется унести частичку тепла от гаснущего очага и пользоваться ею подольше. Ведь путь – нужно верить, пройден не до конца.

Шел редкий теплый дождь. Воздух стыл, как желе. Капли падали сквозь редящую листву. Лужи на асфальте масляно блестя. Пустой автобус вез густую осеннюю влагу. Возле метро толкалась небольшая сосредоточенная очередь. Давали пиво, но банку – вместо кружки полагалось иметь свою. По соседству молодые люди в кожаных куртках навешивали щиты на коммерческий ларек, укрывали от невзгод свое детище. Сновали их подружки в лосинах на худых цепких ногах, рассовывали в машину кульки и сумки, хлопали дверцами, смеялись.

Все это – пивная кутерьма беспечных работяг, долларовые страсти, приправленные гнилым ароматом болотца из-за ограды замершего парка, алкогольная радуга, украшенная буквой «М», серебристое мерцание еще живой листвы – все это и было нашим настоящим, сегодняшним днем страны, в которой я вырос, жил, к судьбе которой меня влекло жадное, почти болезненное любопытство. До ностальгии было еще далеко. Сначала нужно было завершить нынешний день и лишь затем освободить место работе беспокойной памяти. Я осознаю это по аналогии с временем, героизация которого началась спустя двадцать лет после окончания войны. Тогда, открывая эпоху маршальского эпоса, незаметно по-воровски, наверно, ночью, из сквера напротив кинотеатра *Коммунар* убрали пушку, одну из наиболее постоянных и чтимых примет моего детства. Пушка стояла со дня освобождения города над могилой капитана-артиллера. Он, несомненно, и был одним из подлинных героев войны, если боевые друзья оста-

вили этот памятник, прежде чем пошли дальше, на запад. Уверен, памятник виделся им нерушимым и вечным. Но время шло, годы мелькали, прах без шума перенесли к другим могилам, а пушку отправили в металлолом. Куда же еще? Вот тогда и открылось пространство для золотого звездопада. Каждая эпоха сама расставляет декорации и выводит на сцену подобающие персонажи. Так и теперь. Место для нынешних еще не готово, а пока возле опустевших пьедесталов выстраиваются бодрые вожди, заучивают новые клятвы, перекалывают руку *с устава* на евангелие и переругиваются, как и положено в очереди, о содержании будущих мемориальных надписей. То ли еще будет...

4

Городинский познакомился с Аркадием в *застойные годы*. Само это определение звучит, как симптом, и придумано, каким-то прогрессивным коммунистом. Как молодец ковбой должен успеть выхватить кольт, чтобы выстрелить первым, так и сам термин (*застойный*), видно, был заготовлен впрок и при подходящем случае явился внезапно, как загодя сложенная в кармане и опрелая дуля, еще хранящая тепло паховой складки. Явился, чтобы обнаружить внезапно открывшееся нездоровье, подлечить, подправить застарелую болячку, уколоть на ходу, разрезать, где нужно, удалить, зашить, припудрить и двигать себе дальше, заметно помолодев. И это еще казалось благом, хотя те, кто теперь *не знал* и бил себя в грудь, были все те же, кто еще недавно призывал, клялся в верности идеалам и запрещал все подряд. Без этого признания, увы, не обойтись.

Среди прочих запретов был один – совсем уже нелепый на всякие восточные учения и школы, связанные с культурой тела. Ясно, что это пробуждало к ним дополнительный интерес, особенно среди интеллигентов. Городинский и У. посещали занятия одной такой группы, окруженной густой завесой тайны. Тренер – вьетнамец, сбежавший с тропы дядюшки Хо, требовал строжайшего соблюдения конспирации. Занятия проходили в школьном спортзале, дверь закрывали, а ключ оставляли в скважине, чтобы уберечь секреты от глаз любопытных подростков. Вьетнамец вызывал у тех сильнейшие подозрения. Официальное ходатайство о пользовании помещением было получено через *Союз художников* в обмен на обещание разрисовать зал олимпийской символикой. Дела с этим шли туго, художники ленились, и символика выходила вялая. Хоккеист, футболист, две гимнастки с лентами – все они выглядели потерянно, и делали свое спортивное дело уныло, в полусне, клюшки и ленты готовы были буквально выпасть из рук, а исчезновения мяча никто бы и не заметил. Время от времени обозленные хозяева зала прерывали занятия, тогда к предыдущим добавлялась новое изображение, такое же худосочное, квелое и, как бы, болезненное. С таким же успехом бравые физкультурники могли сойти за медицинский плакат.

К лету группа распалась, от пыли в зале стало трудно дышать, а окна, забранные металлическими решетками, не открывались. Но еще за месяц до этого У. исчез. Городинский через остальных, более знакомых между собой, узнал, что у У. умерла жена. Внезапно, после заурядного удаления аппендиксита. Сказались последствия перенесенного ревматизма, оторвался тромб. Городинский нашел время, позвонил У, тот обрадовался. У. был одинок, оба проводили лето в городе, и решено было продолжить восточные упражнения на одном из дальних пляжей. Добирались туда на катере в конце рабочего дня. Район был дачный, сообщение поддерживалось регулярное, о котором теперь даже вспомнить удивительно. Сама по себе речная прогулка стоила многого. Жара спадала. Кораблик бодро бежал по протоке между близких берегов. Деревья сходились к самой воде, оставляя в глубине выхваченные солнцем лужайки. Приятели садились по ходу, на пустой палубе и ели вишни. В древности нос такого корабля вполне мог украсить гордый профиль У. Крепкие скулы, гранитный подбородок, пепельные усы ветерана и аккуратно выложенный блестящий пробор без единого седого волоса. Темные

глаза смотрели прямо, почти не мигая. То был лик воина, не знающего сомнений и сантиментов.

Беседовали. Аркадий ставил памятник жене и сейчас собственноручно лепил для него бюст. Катер причаливал. С крыши дебаркадера прыгали в воду, как лягушки, загорелые пацаны. Женщина-матрос, беззлобно переругиваясь с вечно спешащими дачниками, выкладывала сходни. На берегу снимали обувь и, утопая по щиколотки в горячем песке, шли от пристани вдоль бетонной дамбы, защищающей дачный поселок от наводнений. Место для занятий было выбрано укромное, в густых зарослях ивняка. Оба оказались людьми упрямыми. Но если у Городинского упрямство имело характер, скорее, нервический, то У. неизменно обнаруживал твердость, даже жесткость, вопреки, казалось бы, здравому смыслу Трений и споров, однако, ни разу не возникло, благодаря мудрому решению руководить занятиями по очереди. За месяц лужайка была вытоптана до плотности камня, а компаньоны, несмотря на полную несхожесть характеров, стали приятелями. В конце занятий купались. Был разгар вечера. Розовый свет угасал на поверхности быстро темнеющей воды, любовники, раскинувшие на день два палатки, выползали к вечернему костру, последний катер спешил к пристани, гоня за собой сонную волну. Появление катера служило сигналом. Они бежали, натягивая на ходу одежду. И само время было такое же, застывшее, меланхолическое, накапливающее энергию для близкого рывка.

Среди рассказов У., как вспоминал позже Городинский, было много историй о разных конфликтах, даже драках. Аркадий подробно излагал и анализировал обстоятельства. Уступку оппоненту он понимал как слабость. Отсюда вытекало и все остальное. При этом У. был человеком совсем не кровожадным, просто собственное достоинство видел масштабно, без самоиронии.

Городинский считал, что важную роль в характере У. играло полуеврейское происхождение, хотя сам Аркадий упорно утверждал обратное. Еврейские гены никогда не были ему помехой. В доказательство Аркадий показал Городинскому паспорт, где был записан именно евреем. Как бы из чистого упрямства, так как имел возможность выбора. Сами евреи его своим как раз не считали. Матушка У. была русской. Собственный выбор У. сделал вопреки расовой биологии. И никогда не жалел. У. умел добиваться своего. После окончания института он несколько лет скитался по стране, пересек ее всю с запада на восток, забирался в самую глухомань, однажды выполз самостоятельно из *золотой* шахты, где его забыл коварный напарник. Обо всех этих похождениях свидетельствовали дневники с многочисленными рисунками. Городинский считал, что У. рожден первопроходцем и мается, сам того не сознавая, от неприкаянности. Должно быть, и архитектором У. стал потому, что искал для себя материал потверже. О женщинах, учитывая близость потери жены, почти не говорили. Но легко можно было представить, женщины любили Аркадия щедро. А он пока строил памятник.

Однажды, возвращаясь после занятий, встретили знакомого поэта. Ясно, что Городинский, который знал всех и каждого, и с поэтом был знаком более близко. Время от времени на поэта накатывали волны тяжелой меланхолии. Выбираясь из-под них, он двигался по земле осторожно, как моряк после долгого плавания. Врачи рекомендовали заниматься спортом. Теперь он прогуливался по парку в районе метро с ракеткой для бадминтона.

– Сыграем? – Предложил поэт Городинскому.

– А ракетка?

– У каждого своя. Но можно по очереди.

– Где мы сейчас вторую возьмем?

– А-а... – мрачно задумался поэт.

– И волан...

– Волан?

– Ну, да. Играть чем.

- Я не подумал. – Признался поэт. – Поехали ко мне. Если не хотите играть.
- Мы хотим. – Вставил Городинский.
- Водочки выпьем. У меня есть.

Знакомство с У. поэт объяснил Городинскому так: – Халтуру в редакции дали. Он пожарную часть строил. Его проект. Я был на открытии. Характер у него трудный... А у кого легкий? – Тут поэт, видно, задумался о себе. – Но люди с ним работают, довольны. Я брал интервью. – Поэт затих. Еще до встречи он искал трудную рифму, теперь она была где-то рядом.

Летние занятия закончились, зал прикрыли недовольные хозяева, и Городинский не виделся с У. почти год. Но вот позвонила старинная знакомая, следы ее Городинский давно потерял, знал только, что живет с мужем в Германии. Теперь нашлась сама. Знакомая была напоминанием о давнем счастливом времени, когда они вместе учились в аспирантуре. Она по праву генеральской дочери, а Городинский заочно. Тогда он пытался внедрить новый метод преподавания литературы в школе. Никто из них в педагогической науке так и не преуспел. Судьба Городинского нам уже известна, а знакомая отбыла в Германию к месту службы мужа. Пожертвовала ради него научной карьерой. Но несколько неслучайных воспоминаний о том невообразимо давнем времени Городинский сохранил. Романтическая прогулка после новогоднего вечера на кафедре, крупный снег, летящий на свет фонарей, гулкая тишина ее подъезда. Запомнилось, черт возьми, сразу на всю жизнь, отдельно от всего прочего. Короче, Городинский был сейчас взволнован.

– Я у Аркаши У. твой телефон узнала. – Пояснила знакомая. – С ним Алка Белякова встречается. Ой, я тут такое натворила.

- Ты разве не в Германии?
- Я разошлась давно. Ты не знаешь?

Городинский, действительно, не знал и почувствовал себя почему-то задетым.

- Я Аркадию сказала, что в аспирантуре с тобой училась.

- Причем здесь это?

- Как при чем? Аркадий с Алкой встречаются уже два месяца.

– Послушай, я этого Аркадия год не видел и еще не соскучился. Ты лучше о себе расскажи.

– Не перебивай. Вечно у тебя привычка перебивать. Ты слушай. Прихожу я к Алке. Там этот Аркадий. Интересный такой. И мы тебя вспомнили. Чего, спрашивается?

- Действительно. – Поддакнул Городинский.

– Я сказала, что училась с тобой в аспирантуре, а Алка сказала, что я ее лучшая школьная подруга. А Аркадий говорит: позвольте, я ничего не понимаю.

- Я тоже не понимаю.

– Что тут непонятного, балда. Алка ему сказала, что она моложе на восемь лет. Ты бы ее видел. Ей больше тридцати вообще никто не даст. Она так ему и сказала. А теперь ревет и требует, чтобы я тебе звонила.

- Ты извини, – сказал Городинский. – Я последнее время что-то плохо соображаю.

– Ой, ты, действительно, тупица. Этот *твой* Аркадий высчитал ее возраст. Смотри. Со мной она в школе училась. Так? А я с тобой в аспирантуре. Аркадий так и говорит – Позвольте, как это может быть, если Городинский моего возраста. Ты понял?

- Ну, пусть правду скажет.

- Нельзя. Он ее бросит. Она этого не переживет.

- Он ей памятник поставит.

- Ой, он ее уже лепит.

- Вот видишь. Пусть не расстраивается.

- Брось свои шуточки. Мы с Алкой уже все решили. Когда он будет тебе звонить...

- Не будет он звонить.

– Нет, будет. Он сказал. Так вот. Ты должен сказать, что до аспирантуры ты еще работал десять лет, а я сразу поступила. Тогда все сойдется.

– Не буду я врать, – возмутился Городинский. – Он может ее паспорт взять и там посмотреть.

– Паспорт – это *наше* дело.

– Не хочу я.

– А я думала, для меня ты мог бы. – Ответила трубка после долгого молчания.

Казалось бы, действительно, почему не соврать, если от этого зависит блаженство влюбленных. Святое дело. Но при всей уступчивости женщинам, Городинский мялся и никак не мог решить, что делать, если позвонит настырный У. Это не тот человек, который простит ему обман. Обида. Да, и вообще. Зачем? Пустяковая, казалось бы, история выбила Городинского из равновесия. Несколько дней он с опаской подходил к телефону. Но Аркадий пока не звонил. Решение было принято благодаря дополнительному обстоятельству, которое сейчас никак нельзя было назвать случайным.

Городинский зашел к знакомой, скульптору. Та работала одна, затворницей. Мир ее был особый, населенный библейскими персонажами и животными. Мир требовал полного поглощения. Скульпторша расхаживала по мастерской в старых джинсах и перемазанной глиной тельняшке, жаловалась на головную боль.

– Был банкет по случаю открытия новой гостиницы и ресторана, – рассказывала она Городинскому. – Я делала в вестибюле скульптурную стенку. Вы знаете, как я эти банкеты не люблю. Не пошла. Так архитектор специально за мной заехал на следующий день, отвез в этот ресторан. И мы вдвоем отметили.

– А кто архитектор? – Безразлично поинтересовался Городинский.

– Аркадий У. И вы знаете, мы выпили за вечер бутылку коньяка. На равных. – Добавила женщина с гордостью.

– Но вы же не пьете. – Воскликнул изумленный Городинский. Более, чем участие в деле Аркадия, его поразило поведение женщины. – Вы даже рюмку со мной не хотите выпить.

– Да, не пью. – Та развела руками с зажатым комом глины. – Я вообще не пью. А тут, не могу понять... Он в меня влил...

– Как это *влил*?

– Ну, так, влил и все.

– Он что, нос вам зажал?

– Нет, вроде бы. Не знаю. Но с этим У. я выпила больше, чем за весь год. Вот это мужик. А теперь голова болит... – Добавила скульпторша капризно.

... Разговор стал последней каплей. Когда У., наконец, позвонил, Городинский был тверд. – Восемь лет. День в день. Где? В Сальских степях. По назначению.

– Чего ты раньше не говорил, – упрекнул У. – Тут из-за тебя путаница вышла.

– Я говорил. Это у тебя после травмы что-то с памятью.

– Нет, с памятью у меня порядок. То со зрением.

Из рассказа У. Городинский знал, как-то Аркадия крепко ударили по голове, и теперь после перенапряжения перед глазами плывут круги, а иногда часть поля зрения выпадает.

– Видно, и с памятью тоже. – Городинский чувствовал свою правоту и не испытывал угрызений совести. Он, вообще, был сентиментален, и теперь ощущал ответственность за всех женщин, которые, забывая о возрасте и, молодясь, летели на огонь мужского обаяния У., которых тот спаивал коньяком, лепил, любил, обожествлял и свергал с насиженного пьедестала.

– Что ты делал там так долго?

– Служил. – Городинский, как всякий приличный человек, раздражался от собственного вранья. – Под началом Миронова. Кто такой? Руководитель наробраза. Народного образования. Слуга царю, отец солдатам. Да, шучу я. В общем, восемь лет, день в день.

5

Со времени тех разговоров и тех событий (и можно ли теперь назвать это событиями) миновала эпоха. Друзья и знакомые – счет пошел на десятки – разъехались кто куда. Каждая встреча, каждый вечерок в поредевшей компании кажутся подарком. Потому я не сомневался, когда Городинский предложил зайти к У. в гости. Было это на следующий день после поминального вечера. И Городинский отбывал на днях. А там, когда еще встретимся.

У жил в старой части города. История читалась здесь буквально и ясно, почти не требуя усилий, лишь немного любопытства и сочувствия. И сейчас было видно, как когда-то здесь в ряд с милыми глазу особнячками прорастали строения модерна. Уже десятки их, питаемые энергией градостроительного бума, готовы были разорвать сонное пространство захолустья, прорезать зелень садов и мещанских подворий, в глубинах которых таился упрямый, недоверчивый обыватель. Судьба города – удачливого и богатеющего, казалось, была предрешена. Газеты, экономические справочники трубили только об этом. Какой-нибудь десяток лет, которых тогда, в начале двадцатого века оставалось несчитано, задержка экспозиции, и город должен был преобразиться, стать в один ряд с великими городами Европы. Но движение было прервано, искажено гримасой военного катаклизма, и улицы, мощно начавшие разбег, замерли иссохшими ручьями по пути к вокзальной площади.

Когда хорошо знаешь город и не ждешь от него загадок, он кажется меньше, чем на самом деле. Может поэтому моя родина все больше ощущается провинцией – добротной, кичливой провинцией. Ее главная черта – быстрый обрыв центра в скопище пятиэтажек, подросших за годы до девяти и шестнадцати этажей, но столь же унылых и скучных, вываливших безликим строем из ворот архитектурного интенданства и марширующих из города в город в тусклой бетонной униформе.

Древние развалины не пригодны для жилья. Пусть остаются в романтических пейзажах и музеях под открытым небом. Но старый многоэтажный дом с прохладной полутьмой подъезда (особенно хорошо здесь летом в дневную жару), с замысловатыми лестницами, щедрым видом сквозь высокое окно с треснувшим краем мраморного подоконника – все это способно вызвать в моей душе умиление, близкое к восторгу. Казалось, именно такими домами и суждено было заполниться городу, встать на холмах над величавым движением Святой реки, и жить свободно и щедро. Всего одно-два десятилетия и нужно было продержаться, оправившись от войн, выстоять вопреки мстительной посредственности, геростратовой страсти ужалить смертельно в вековую линию приречных склонов, в светящийся золотом абрис храмов, в аллее Купеческого сада и взлет Крещальной горы. Как нужно было устоять против временщиков. Не удалось, слишком на виду, мусор эпохи всплыл и окаменел. Тем более ценно, что осталось.

Аркадий жил в небольшой двухкомнатной квартире с угла дома. Вид из окон открывался сразу на две улицы: одну – скрытую догорающим цветом каштанов, другую – распахнутую на всю глубину, с ларьками на дне, завитком очереди возле овощного киоска. Чуть сырой пыльный и табачный дух выдавал холостяцкое жилье, видно, плитой здесь пользуются от случая к случаю, в основном, для чайника. Но душа у квартиры была, благодаря книгам и живописи. Работы самого У, как ни странно при его характере, довольно спокойные: цветы и монотонные пейзажи, выстроенные в линию градостроительные композиции. Живопись жила в золотых рамах, которые У. сам и подбирал. Лишь один холст над столом выпадал из общего ряда. Без рамы, в живописном сгустке детали угадывались не сразу, требуя усилий зрения. Тогда становились заметны чувственные губы, блестящий глаз, пружинистый иконографический извив фигуры, спеленутой синью хитона, напряжение ступни, прижимающей к полу нечто вроде мешка с рассыпающимися монетами.

- Никак раму не подберу. – Сказал Аркадий.
- Картина без рамы, как генерал в бане. – Заявил Городинский.
- Это тоже твоя?
- Нет, одного питерца. Поцелуй Иуды.

Мы с уважением рассматривали работу, пока Аркадий не пригласил к столу. Вместо скатерти под тарелками были салфетки.

- Немецкие? – Городинский признал готический шрифт и гравюры с корабликами.
- Привез. Я работал там.
- Кем?
- Как кем? Архитектором.

– Ого, что наши архитекторы там годятся?

– Я годился, хотя мой случай не типичный. Но это – целая история.

– Расскажи, – попросил Городинский, и Аркадий легко согласился. Последующие страницы будут посвящены этому рассказу. У.

вспоминал охотно. К тому же мы не раз поднимали рюмки, так что вечер получился интересным, сверх всякого ожидания. По ходу не обходилось без комментариев – Городинского и моих, но не хочется терять связности повествования.

6

Несколько лет назад в одном из новых районов города по проекту У. выстроили гостиницу с рестораном. Из-за нехватки средств, проект пришлось перекраивать, здание вышло не совсем таким, как задумывалось. Обычная, впрочем, жалоба архитекторов. Господь, глядя на нас, мог бы сказать так же. Но потери оказались терпимыми. Удалось отстоять интерьеры, которые У. делал вдвоем со скульптором, вернее, скульпторшей (– Я ее знаю, – вставил Городинский.). Ресторанные апартаменты вышли вполне удачно – из двух залов, с размахом и фантазией. Район возле метро быстро осваивался, давал основания полагать, что заведение пустовать не будет. Поначалу так и вышло. И впредь ресторану можно было предсказать сытое, спокойное будущее, если бы жизнь города развивалась столь же неспешно, как в предыдущие десятилетия, а не понеслась вскачь. Пошли перемены. Привычная публика – командировочные из гостиницы и окрестные служащие, жирующие на *комплексных обедах*, понемногу рассосались. Но на смену уже спешили деловые люди. Место для них было удобное – без лишнего шика, но сравнительно недалеко от центра. Ресторан быстро приобретал пусть сомнительную, но престижную репутацию. Вечером, даже в будни, попасть сюда было нелегко.

Среди объектов У. ресторан был пока единственным. И он дорожил им в личных целях. Каким-то образом (зная мрачновато-настырный нрав У, в это можно поверить) ему удалось внушить ресторанному начальству, что он, как создатель, сохраняет пожизненные права на свое детище и волен посещать его, когда захочет, заглядывать по случаю, как к себе домой. Право это было, конечно, мифическим, не поддающимся, по крайней мере, пока, точному юридическому определению, но имело веское название – *авторское*. В нашей стране его никто никогда себе не представлял и думать не думал о нем всерьез. Только-только пошли разговоры об *интеллектуальной собственности*, о *подлинном богатстве страны*, но это были именно *разговоры* и чтобы оформить их нужно было время, а уж соблюдать принятое (можно только вообразить!) – на это должны были уйти десятилетия. В самом лучшем случае. А пока все держалось на авторитете. Решающее значение имел эффект, который У. производил на официанток. Спокойный холодный взгляд, пепельные усы, каменные скулы. Роковой мужчина. Столик для него всегда находился без промедления. Если что, из подсобки несли, накрывали. Расплачивался У, конечно, полностью и посещениями не злоупотреблял. Но приятно иметь *свой* ресторан. Тут и примут, и приветят, и за скатеркой проследят, чтобы непременно чистая,

цветочки поставят для дамы, и сам мэтр подойдет, справиться. Это был персональный оазис У. Для *галантных случаев* ресторан был просто незаменим. Но еще более, Аркадий любил проводить свое детище днем. Обедать одному в приятной прохладе банкетного зала. Здесь не каждого принимали, особенно, если были места в главном. Там шум, суeta, нервный поиск куда-то исчезнувшей официантки. А здесь пусто, заботливо, для своих. Уютно, по-домашнему позвякивает посуда. Голоса и смех – приглушенные, негромкие, как сквозь вату. Мягко катят по ковровой дорожке столик с бутылками, загружают в сервант, готовят запас для вечера. А вот и ему несут – почтительно и быстро.

– Скоро этот зал закрывают, – как раз сейчас и была приятнейшая минута.

– Закрывают? – Аркадий застыл.

– Да. Под казино. А для ресторана большой останется. Будем вас там кормить...

Это была новость. Поразмыслив за обедом, Аркадий отправился к заместителю директора. Тот состоял в должности с момента открытия, помнил, как они с Аркадием пировали тогда на банкете.

– Именно. – Подтвердил администратор. – Закрываем. Будет казино. Такие времена. А вас милости просим в большой зал. Вечерком, глядишь, – администратор залихватски прищелкнул пальцами. – Вы же у нас – свой. Так что не волнуйтесь.

– Я за это не волнуюсь. – Аркадий поддержал администратора вежливой улыбкой. – Тут вот как. Что будет с *авторским правом*?

– Простите, с чем? – Искренне удивился замдиректора.

– С авторским правом, – терпеливо повторил У. – Я ресторан строил, а не казино. По закону вы даже дверь не можете переставить без моего разрешения.

– Вы думаете, это имеет значение? – Администратор никак не мог оценить тонкость ситуации. Еще бы. Всю жизнь вокруг только и делали, что ломали и кроили по прихоти начальства. А тут какое-то *право*. Принесла нелегкая. Официантка – корова распустила язык.

– Вы, конечно, помните, что этот комплекс выдвинут на соискание *Государственной премии*. – Аркадий покрылся льдом и застыл. Действительно, среди прочих застольных пожеланий на том давнем банкете звучало и такое. Негромко, но звучало. – Помните? Так вот. Сейчас это предложение рассматривается. В этом году должны дать. Или в следующем, тогда уже точно. А кому давать? По какому, извините, поводу? Когда ресторана нет. Казино? А где вы его видели в перечне объектов соцкультбыта? По крайней мере, сегодня.

– М-да...

– Вот именно. Потому я и говорю об авторском праве.

– Да, вы садитесь. *Мальборо*?

– Закон почти готов. – Аркадий потянулся за сигаретой. – Вы телевизор смотрите? Сессию? Там как раз этот закон обсуждают. А мы его будем нарушать? Нарываться на неприятности?

– И что делать?

– Очень просто. Исполнять закон. – Аркадий говорил, будто гвозди вколачивал. – Все вопросы реконструкции и перепланировки здания, тем более изменяющие его функциональное назначение, должны непременно решаться с участием автора проекта. И с правом его вето. То есть со мной.

Администратор пока молчал, переваривал новость. Лицо его и впрямь выражало недоумение. Аркадий продолжал после паузы. – А вообще, я вас не понимаю. Почему вы со мной не посоветовались? Допустим, я промолчу. Хотя, вы видите, я против. Но допустим. Допустим, скульптор...

– А что, скульптора тоже нужно спрашивать?

– А как же. – Аркадий понял, что пережал и чуть отступил. – Ну, хорошо. Допустим, со скульптором можно договориться. Но пожарник...

– Что пожарник?

– Пожарник, вы считаете, *не нужен*?

– Пожарник нужен. – Администратор притих и даже, кажется, запаниковал. Аркадий распахнул бездну и продолжал вещать. – А кого пожарник станет спрашивать, как вы думаете? Они ведь с нами вот так. – Аркадий потыкал друг о дружку указательными пальцами. – Пожарник придет ко мне и скажет: как ваше мнение? А я отвечу, не знаю, они даже не соизволили. Как думаете, что после этого? Сказать? Я знаю, я городскую пожарную часть строил.

Тут собеседник был в курсе, Аркадий при случае не забывал скромно упомянуть о своих градостроительных достижениях.

– Тем более, – продолжал Аркадий, чувствуя, что раз за разом поражает цель. – Тем более, пожарники рассуждать не любят. Вы их видели. Им строительный *ГОСТ* вынь и покажи. И убеди, что это тот самый *ГОСТ*. А на казино я что-то не помню, чтоб был *ГОСТ*.

– Что вы имеете в виду?

– Тут Аркадий рассмеялся в лицо сбитому с толку собеседнику. – *ГОСТ* – это государственный стандарт.

– Я знаю, что стандарт. – Замдиректора упорно пытался выбраться из-под завала разящих аргументов. – Государственный. Я так понимаю, скоро бардаки начнем строить. На них тоже стандарт?

– Обя-за-тель-но. Какая разница, школа или бардак. В этом смысле. Разве не помните, как граждане из гостиницы *Россия* голыми во время пожара прыгали? Пожарники ко мне первому прибегут. Зачем им ответственность на себя брать?

– Ну, хорошо, – администратор окончательно сдался и показал, что готов работать конструктивно. – Спасибо, прояснили. Что дальше делать?

– А зачем вам что-то делать? – Задушевно спросил Аркадий. – Ваше дело какое? Людей встретить. Так? Накормить. Развлечь. Меня в том числе. А *мое*, – тут Аркадий нажал интонацией, – помочь вам, как лучше решить проблему. Для общей пользы. Так ведь при капитализме?

На это собеседник промолчал, не был готов еще обсуждать, как при капитализме. Вышла пауза. Аркадий продолжал.

– Вам нужно составить план реконструкции помещения? Нужно. Проследить, чтобы работа была сделана в лучшем виде? Кто в этом заинтересован более меня? Никто. Еще премию получим. Не сомневайтесь. Начальство будет на рулетку бегать. Самим неудобно, деток научат. Нужно только не пороть отсебятину, а сделать все грамотно, как следует. Для того оно и есть – *авторское право*.

Используя политику кнута и пряника, Аркадий вел разговор к нужному результату. Он был уверен в себе, как никогда. – Кто ваш заказчик?

– Немцы предлагают. С нашим, конечно, участием.

Аркадий про себя чертыхнулся. Давно пора было обзавестись визитными карточками. Он похлопал себя по карманам. – Визитку дома оставил. Запишите мой телефон. Что вы пока намерены делать?

– Ждем от немцев сигнала.

– Тогда так. Как только они объявятся, пусть свяжутся со мной. Я сам им объясню. Немцы законы знают, не то, что мы.

У покинул ресторан довольный собой. Еще бы, чуть не упустил свой шанс. Сейчас он был готов действовать. Над родиной занималась заря капитализма. А солнце, как известно, светит всем.

Почти за год до этого разговора случилось событие, обнаружившее с нынешним глубинную взаимосвязь. Именно это обстоятельство подсказывало теперь Аркадию, что, казалось бы, отдельные происшествия на самом деле далеко не случайны, а от звена к звену складываются в единую цепь и раскручиваются далее, повинаясь некоему единому замыслу. Называйте это чувство интуицией – рудиментом великого инстинкта, большей частью утраченного, но Аркадий явно ощущал, что участие немцев в перестройке *его* ресторана не могло быть простым совпадением. То был *случай*, драгоценное стечение обстоятельств, которые где-то там, на планшетах звездных карт сошлись в единый замысел. Осталось разгадать его и победить.

Год назад отец Аркадия – человек явно немолодой, но бодрящийся и даже сохранивший, благодаря худобе, некое подобие военной выправки, принимал у себя друга молодости. Аркадий помнил того с младенчества, как дядю Осю. Ося был соратником отца по довоенному комсомолу (Когда это было? Удивительно даже вспомнить.), сохранил дружбу и в более поздние годы, но десять лет назад выехал из страны вместе со старшим сыном, овдовел и жил теперь в Германии. Старшему сыну у нас не давали хода, мешали с диссертацией, а в Германии он работал в большой клинике *ухо-горло-нос* и устроен был, как сказал теперь Ося, что *давай нам всем Бог*. Впрочем, Ося квартировал самостоятельно, не отягощал сыновнюю жизнь. Он оставался патриархом. Теперь в Германию переезжал и младший сын, обретавшийся до сих пор в Москве. Тот был зятем известного кинорежиссера, который бешено сопротивлялся эмиграции, держал, сколько мог, возле себя семью и даже теперь остался снимать, несмотря на отъезд жены и дочери.

Обо всем этом Ося сейчас рассказывал. Одет он был, как с картинки, – добропорядочный джентльмен в светлом кофейного цвета костюме, голубой рубашке и сандалетах – не случайных, а в тон. Собрать это все разом, да еще на пожилом человеке, которому, как говорится, впору *махнуть на себя рукой* – редкий случай, для этого точно нужно быть иностранцем. Ел Ося аккуратно, не то, чтобы не жадно, а совсем уже умеренно, что даже огорчает наших хлебосольных хозяев, готовых закормить дорогого гостя до дурноты. Отбирал ложечкой по кусочку, с видимым, как и положено иностранцу, безразличием к еде. А ведь знал, что старались к его приходу, отец Аркадия торт специально заказал. Конечно, Ося похвалил, но спокойно, даже, видно, задумался, будто припоминая забытый вкус, и только потом решил – возьму и похвалю. Ел деликатно, разложив на коленях полотенце, чтобы не закапать чаем красивые брюки, не проронить на них крошек. Пожил таки человек в Европе, *успел*. Известно, что долгое пребывание за границей оказывает эффект, подобный хорошему курсу физиотерапии. Кожа постепенно молодеет, разглаживается, принимает младенческий нежно-розовый цвет или наоборот, бронзовеет, как от горного солнца. Такая метаморфоза происходит непременно со всеми, причем, как клянутся сами эмигранты, не требует от них особых усилий, кроме постоянного пребывания в обширном географическом регионе, называемом у нас исчерпывающе просто – *за бугром*. В общем, Ося глядел таким молодцом, что глаз трудно отвести. В прошлом году он позволил сыну свозить себя в Испанию. Там присутствовал на корриде и видел, как бык насмерть забодал тореадора. Ося сочувствовал быку.

– Ты помнишь, как мы *тогда* переживали за этих испанцев? Деньги собирали. Чтоб вы сейчас так жили на эти деньги, как они. *Ему* надо видеть. – Ося устремил костлявый палец в Аркадия. – Мы уже что? Он – молодежь.

Молодежь как раз разливала водку: – Так вы меня, дядя Ося, пригласите.

– Действительно, – поддержал Аркадия отец. – Сделай ему приглашение. Я бы сам поехал.

– Вот и приезжай.

– Куда мне. Я из Берлина, как убыл в сорок пятом, даже медаль забыл получить. Не город был, а груда битого кирпича.

– Как же так с медалью? – с годами у Аркадия рос интерес к ветеранским воспоминаниям. Отец воевал достойно, им можно было гордиться. И не врал, не хвастал, даже вспоминать не очень любил.

– Такое мое счастье. Командир дивизии вызывает. – Мирон, одному тебе из всех архаровцев могу жену доверить. Разрешили ее на две недели принять, отовариться. У нас все склады были трофейным барахлом забиты. Она, бедная, так набегалась, всюду нужно успеть. А мне, значит, приказ – вези ее домой, в Саратов вместе с *бебихами*. Что делать? Я и повез. Доташил, выгрузил, а сам, нате, заболел. Туберкулез открылся, легкое в сорок втором году простреленное. И в госпиталь на пять месяцев. Еле жив остался. Еще легко отделался, вышел, дайте, прошу, к ребятам, в часть съездить. Нечего, говорят, пиши отсюда. Я тогда не знал, их уже два месяца, как их на Дальний Восток перебросили. Главное, проезжали рядом, пока я там валялся. Вот так. Встретились через двадцать лет. Они говорят, только ты уехал, мы медали за Берлин получили.

– А ты? – Спросил Аркадий.

– А-а, – отец махнул рукой. – Все хорошо вовремя. И так полный иконостас. Ты сам половину растерял, когда малый был.

– Жалко. – Сказал Ося.

– Еще бы тебе не жалко, когда ты в тылу сидел.

– Ладно вам.

– Пусть говорит. – Успокоил Аркадия Ося. – Еще неизвестно, где бы ты сейчас, вояка, был, если бы не я. Я, между прочим, два раза заявление на фронт подавал. Не отпустили, отказы остались. Когда выезжал, говорят, снимите с документа копию. А зачем мне у немцев копия? Я на Урале с завода месяцами не вылезал. В снегу ночевал. Ноги отморозил. Видел, в старой хронике показывают надписи на снарядах. *Смерть фрицам*. Это мои пацаны писали. А теперь мне фрицы ноги отмороженные лечат. И пенсию платят. Вот как жизнь повернула.

Ося сидел ухоженный, ладный, лоснился от немецкой еды, лосьонов, витаминов, бесплатного ухода. Даже не верилось, что где-то у него может болеть.

– Аркашу пригласи и считай, мы за войну квиты.

– Давай. – Согласился Ося. – Пусть запишет *данные*. Только учти, я с ногами не ходок. Ночлег предоставляю, а развлекайся сам.

– Я думаю, его это устроит. – Сказал отец.

– Ну, не смех. – Ося переменял тему. – Ты помнишь, как мы на собраниях ругались? Резолюции писали. Могли посадить друг друга. Запросто. Теперь ясно. А кто поверит?

– Я поверю. – Думал Аркадий с нежностью. – Козлы старые.

Ося выбирал крошки вокруг недоеденного торта. Осталась, видно, привычка, или уже немецкая аккуратность проявлялась, еще задерживал во рту, прежде, чем проглотить.

– Слишком много сахара. – Отметил. – Слишком.

– Я предупрежу *девочек*. – Сказал отец. Ветераны собирались на встречу с подругами молодости. – Они тебе сделают торт с перцем.

– Можно подумать, вся сладость жизни в этом торте. – Ося воздел руки. – Не обижайтесь, но я отвык.

8

Ося сдержал слово и спустя несколько месяцев из Германии пришло приглашение. Можно ехать. Аркадий занялся оформлением документов. С паспортом проблем не было, год

назад он ездил туристом в Индию. Оставалось выправить визу и взять билет. Тут ему позвонили, Женский голос был низкий и хриплый, интригующий.

– Это архитектор У? С кем я говорю? Тогда у нас есть тема. По поводу ресторана, который вы строили.

Голос был с чуть заметным акцентом, заминками и полувопросительными интонациями, но акцентом, как бы наоборот, который появляется от разбавления прошлой родной речи нынешней. А, может быть, подделкой этого акцента с определенной целью, чтобы не приняли *за русскую*. Но голос рождал ощущение тайны, волновал, будто по другую сторону телефонного провода сидела сама Марлен Дитрих, покуривала длинную сигарету и покачивала красивой ногой. Аркадий подтянулся, не только мысленно, но и внешне, *собрался* и отвечал значительно, веско. Знакомые женщины хвалили его телефонный голос за мужественность.

– Да, я. Гостиница и ресторан мои. Если это те, что вы имеете в виду.

– Те, те... – успокоили в трубке. – Значит, я хочу с вами поговорить. Где вы предпочитаете? В ресторане или у меня в номере?

– Все равно. – Отвечал Аркадий. – Где вам удобно.

– Тогда в номере. – Женщина назвала одну из центральных гостиниц. – Я буду вас ждать.

Оставалось продумать сценарий. Впрочем, в отношениях с женщинами Аркадий полагался на доброе, гусарское вдохновение. И сейчас не видел оснований меняться. На следующий день он проследовал в гостиницу, держа в вытянутой руке алую гвоздику. На самом длинном стебле, который только смог найти. В этом был шик. Цветок был такой длины, что даже мешал при ходьбе. В другой руке нес пакет с бутылкой шампанского. Аркадий хорошо поел и готов был провести в номере хоть сутки. Он был в лучшей форме.

Дверь открыли быстро. Дама в черных колготках и застегнутой на одну пуговицу белой прозрачной блузке. Где-то на уровне пупка. Сквозь колготки светилась узкая полоска белья. И это все. Почти не оборачиваясь, хозяйка провела его в комнату. Кругом горой валялись тряпки, раскрытые чемоданы, не то, что сесть, ступить было некуда. Витали ароматы, волнующее смешение запахов косметики и женских вещей. Были и цветы. В маленькой синей вазочке стоял букетик казенного вида. А вообще, номер был просторный, вслед за первой виделась еще комната. Аркадий протянул гвоздику. Женщина глянула испытующе, взяла цветок и задумалась. Ваза на столе была занята и не годилась из-за размеров.

– Сейчас поищем. – Женщина положила цветок на стол.

Тут Аркадий совершил еще один поступок, в целесообразности которого вскоре усомнился. С тем же замороженным видом, не сводя с хозяйки глаз, он потянул на свет бутылку.

– О-о, – других эмоций пока не последовало. – Если не возражаете, я буду собираться.

Аркадий не возражал. Как и подобает истинному женолюбу, он имел свою методику общения с женщинами. Если объект настораживал, не давался с первого взгляда однозначной оценке, Аркадий не отступал, не сникал, не поддавался поспешному разочарованию. Но наоборот, как футурист, мысленно расчленял свою натуру в поисках отдельных примечательных черт и, отыскав выгодные, любовался ими уже как бы в розницу, вдохновлял себя, готовясь к новой атаке или затяжной осаде. Так и тут. У этой были миндалевидные карие глаза, кожа с избытком влаги, заметные усики, а нос неожиданно изящный, по всем греческим правилам, прямо подарок судьбы, а не нос. Как-никак Аркадий занимался скульптурой, мог оценить. И ноги были *приличные*, достаточной длины. Грудь под блузкой лежала свободно, волновала. Волосы черные до плеч... В общем, можно было настроиться на лирический лад. Женщина освободила от вещей кресло, устроила Аркадия, а сама под села к туалетному столику, осмотрела его, как труженица рабочее место перед началом смены.

– Лена, ты где? Поищи, куда цветы поставить.

Тут бочонком выкатилась Лена – приземистая, с круглой, стриженной по-мальчишески головой. В шортах и лифчике. Что говорить, принимали Аркадия запросто. Лена тащила на

плечиках ворох одежды, сбросила в общую кучу, а сама прошлепала дальше. Должно быть, в ванну. Аркадий поостыл. Ничего. По крайней мере, теперь он может полностью сосредоточиться на деле.

– Вы, значит, архитектор ресторана? – Спросила хозяйка, выбирая со стола нужные баночки.

– Да. – Аркадий почувствовал раздражение. – Я – архитектор.

– Ясно. – Спокойно отвечала женщина. – Меня зовут Мэри. – Она не оборачивалась, глядела, не отрываясь, в зеркало, трудилась. – Где же вы, Аркадий, проектировали казино? Лас-Вегас? Монте-Карло? Разрешите вас Аркадием называть?

– Разрешаю. Казино я не проектировал. – Аркадий был холоден и неуязвим для иронии. – Я работал и работаю в Советском Союзе. У нас казино до сих пор не строили. Вы, я понимаю, тоже отсюда, сами знаете.

– Но тогда я...

– Вы не дослушали, простите. Казино я не проектировал. Но я строил эту гостиницу, и этот ресторан. И никому не позволю их разрушать.

– Ясно. – Женщина повернулась, глянула насмешливо. – Пусть так и стоят?

– Пусть стоят. Пока я не дам разрешения.

– Вы? Ха-ха. А кто вы такой? Владелец? Хозяин? Кто?

– Хозяев у нас пока нет.

– Есть. Вы просто не в курсе.

– Хозяев у нас нет. – Медленно повторил Аркадий с нажимом. – А тому, кто с вами договаривался, передайте, если без моего разрешения тронут хоть одну перегородку, я устрою такой скандал...

– Не могу найти, – озабоченная Лена вернулась в комнату.

– Найди. Скажите, а чего вы, собственно, добиваетесь?

– В первую очередь, я хочу, чтобы уважали архитектора и авторское право.

– Уважаю. Что дальше?

– Хорошо. Тогда я могу сделать вам выгодное предложение.

– Интересно.

– Послушайте. – Аркадий сменил тон. – Вы говорите, что не понимаете меня. А я, простите, не понимаю вас. Вы хоть сами знаете, что такое казино? Или вы думаете, – это одни столы внесли, а другие вынесли. Так? Ничего подобного. Вам реконструкция нужна, вот что. А кто сделает реконструкцию лучше самого автора?

– Вы всегда такой самоуверенный? – Мэри шелкнула пудреницей и первый раз глянула на Аркадия с интересом. По крайней мере, так ему показалось.

– При чем здесь самоуверенный? Хотя. Но здесь здравый смысл подсказывает.

– А теперь я хочу, чтобы вы меня поняли. У нас с мужем фирма. В Берлине. Мы – посредники, и ничего больше. Берем разные заказы. Казино? Пусть казино. Мы ищем варианты, остальное нас не касается. Мы только подбираем и сводим людей.

– А я о людях и говорю. О ком же еще.

– Они решают, не мы. Давайте так. Я вас выслушала. Поеду к себе, там мы все обсудим и сообщим окончательное решение. Как клиент скажет.

– Кстати, я скоро собираюсь в Берлин. – Сообщил Аркадий небрежно. Он достал из кармана билет. – На четырнадцатое. Мы можем там вопрос обсудить. У вас на фирме. – В те годы как раз стало приживаться это выражение *на фирме*.

– Вы в командировку или в гости?

– В гости.

– К кому?

– Вы не знаете.

- Я не знаю? Я там каждую собаку знаю.
- Бровермана знаете? – Аркадий был чуть разочарован. В глазах Мэри он предпочитал оставаться важным и загадочным. Но и темнить было глупо.
- Илью? Конечно, знаю. Он мне нос оперировал.
- Илью я тоже знаю. Но я думаю, у его отца остановиться.
- У Оси? – Женщина чуть удивилась.
- Он пригласил.
- Еще лучше. К вашему сведению, Ося живет почти рядом с нашей фирмой. А кто вас встретит?
- Может быть, он сам. Или сын. – Аркадий старался говорить небрежно и убедительно.
- Давайте сделаем так. – Предложила Мэри, – Раз вы – наш сосед, мы и встретим. Муж, скорее всего. Я вас опишу. – Она внимательно и на этот раз вполне благосклонно оглядела Аркадия. Тот и сам будто увидел себя женским глазом. Голубые джинсы, сандалеты на босу ногу, белая тенниска с хвостатым силуэтом пумы на мускулистой груди. Ровный, волосок к волоску пробор, скульптурные складки на щеках. Смотри, смотри...
- Выйдете на площадь и будете ждать возле стоянки такси. Найдете, это легко. Там стойте. Мы – люди точные. Муж будет на белом мерседесе.
- У коридорной нет вазы. Только маленькие. – Пожаловалась Лена. Никак не могла упрямиться. Бестолковая.
- Найдём вазу. – Сказал Аркадий. – А стаканы хоть у вас есть? Лена, несите, быстренько. – Теперь Аркадий распоряжался. Взял отставленную в сторону бутылку, стал решительно обдирать фольгу. Шампанское было теплым, Аркадий выпускал газ медленно, крепко удерживая пробку. Не хватало еще залить эти тряпки. Барахла здесь было на целый магазин. Открыл классно, без звука, только белый дымок пошел. Разлил по стаканам. – До дна. Всю. Иначе цветочек завянет. А так мы водички подольем, корешек подрежем. Аспирин есть? Сейчас, Леночка, вы туда таблетку. Будет наша гвоздичка стоять.
- Мэри по-прежнему занималась собой, не давалась, расшевелить. Стакан рядом, отпивала по глотку, всматривалась в родные черты.
- Интересно, куда она наряжается? – Подумал Аркадий и себя же осадил: Главное сделал, остальное – не его забота. – Вы посматривайте, чтобы с одеколоном не спутать, – тупо пошутил напоследок. Чувствовался легкий кураж от шампанского и удачного разговора. Аркадий встал, придерживал хозяйку по-свойски за пухлое плечо. – Не беспокойтесь. Леночка проводит. В Берлине встретимся. Белый мерседес.
- На пороге гостиницы Аркадий крепко отрыгнул теплым шампанским. Напиток *Фон дер тшик*. До победы было далеко, но первый шаг пройден. Теперь вперед. На Берлин.

9

Четыреста марок – всю валютную наличность удалось провести беспрепятственно. Кроме обмена у Аркадия была заначка. В прошлом году на пути в Индию пьяный норвежец подарил ему сто марок. До этого они распили бутылку Аркашиного коньяка и еще одну Аркадий норвежцу подарил. Очень тому понравилось. Теперь такую же бутылку – грузинского он вез в подарок Осе. Еще водку, и – Аркадий счастливо догадался – толстенные носки с узорами. Гуцулы дома ходят в таких без обуви. Как раз для больных Осиных ног. В общем, он все предусмотрел вплоть до даты вылета, не брал на тринадцатое. Приехал в аэропорт с дочкой. Та – молодчина сама вызвалась проводить. Жила у бабушки – матери покойной жены. И сами по себе проводы были приятны, и можно подстраховаться на самый невероятный случай. Если станут проверять и будут проблемы. Тогда он скинет излишки дочери.

Все было учтено и вышло без заминок, рейс отправили точно по расписанию, на берлинскую землю Аркадий ступил минута в минуту. Голова гудела. В самолете он выпил водки, мысленно пожелав себе удачи. Жара стояла страшная. Асфальт под ногами пылал. Аркадий забросил через плечо сумку – единственный свой багаж и пошел искать стоянку такси. Вот она, на месте, как Мэри объяснила. Вообще же было пустынно, от берлинского аэропорта Аркадий ожидал большего. Людей и машин мало. И в небе пусто, казалось, самолеты и те попрятались от жары. Аркадий устроился в короткую тень киоска и стал ждать. Время шло, мерседес так и не появился. Сошел народ с нескольких рейсов, тени удлинились, город стал оживать, Аркадий, наконец, понял, что машины не будет. Слишком хорошо началось, что бы так сразу поверить в злой каприз фортуны. Но именно так и было. Все, что можно сказать себе по поводу новых партнеров, Аркадий уже сказал. Легче не стало. Пришла пора действовать. Вход в подземку был недалеко, Аркадий уже приметил. Но спускаться туда, значило окончательно признать поражение. И он выбрал такси. Толстощекий лысоватый парень принял заказ равнодушно, глянул в бумажку с адресом, буркнул *гут*, и поехали.

– Интересно, – размышлял Аркадий с некоторым напряжением. – Интересно во сколько влечу? – На сидении была подушка, а под ней ощущалась прозаическая дыра. Сидение было давно и безнадежно продавлено. Вот тебе и фрицовское такси. Еще хуже чем наше, никакого кайфа. Бедность водителя смирила Аркадия с собственной судьбой. Ехали долго, во рту сохло. Как и бывает с человеком малоимущим, счетчик полностью завладел его вниманием, исправно жевал его кровные. Стоило рисковать, тащить марки через таможенную, чтобы расстаться бездарно, сидя на паршивой дыре. Шофер мычал под нос что-то заунывное и раскачивался, как араб на молитве, не обращал на Аркадия ровно никакого внимания.

– Далеко еще? – У. потыкал перед водительским носом бумажкой с адресом.

– Гут, – тот махнул рукой. Мол, ехать и ехать.

Что взять с фрица. Даже машину починить не может, а деньги гребет, как с новой. Пока ехали, мелькнуло нечто знакомое. Ага. Ворота, еще недавно отделявшие один Берлин от другого.

– Вест Берлин? – Аркадий потыкал пальцем перед собой.

– Гут.

Сорок марок на счетчике уже было. А Берлин лежал и лежал впереди.

– Стой. – Сказал Аркадий решительно и менее уверенно добавил. – *Хальт*. Немецкого он не знал, но *хальт* и *хенде хох* прочно засели в его голове из послевоенных фильмов. *Смелые люди*, *Подвиг разведчика*. Там это были не последние слова. *Хенде хох* сейчас не годилось, тем более за рулем. Значит, *хальт*.

– Хальт. – Повторил Аркадий грозно. Шофер послушно подрулил к бровке.

– Так. – Аркадий показал на пальцах. – Отдашь все до пфеннинга. – Растер себе ягодицу. Не хватало еще столбняк подхватить. А чего? Запросто. – Денег нет, понял. Найн.

Шофер понял, иностранцы понятливые, когда хотят. Буркнул под нос, но сдачу вернул исправно. Еще багажник открыл, вынул сумку и дисциплинированно поставил на тротуар. У нас бы такой номер Аркадию не удался. И все равно он остался недоволен, сунул деньги в карман, не пересчитывая, и остался один на незнакомой улице. Встретили, сволочи. Даже спросить не у кого. Какой-то старикан в шортах и белой панамке ковылял, ставя шаткие ноги осторожно, будто на Луну. Аркадий ткнул ему адрес. Агрессивное раздражение пока не отпускало, искало выход. Немцы ползли по своему Берлину, одурев от жары, равнодушные к его проблемам. Должно быть, настроение чувствовалось, старик, глянул младенческими глазками и спросил на чистейшем русском: – Откуда, молодой человек? – Старик был в том возрасте, когда все кажутся молодыми.

Первый подарок. Оказался соотечественник, приехал в гости, как Аркадий. С собой оказалась подробная карта, по ней быстро отыскили улицу. Недалеко, совсем немного Аркадий

не доехал. Старик проводил его до ближайшего угла, чтобы окончательно сверить маршрут, дальше Аркадий пошел один. – Такая жара, – пожаловался провожатый, – лучше в Москве на даче сидеть.

Удачи и огорчения чередовались, когда Аркадий приблизился, наконец, к цели. Улица была небольшой, даже не улица – переулок, из нескольких потрепанных временем домов. Прячась во чреве огромных мегаполисов, такие улочки дарят неожиданный уют, ощущение провинции, даже обманывают на мгновение – будто никуда не уезжал. Ося описал дом точно. Три этажа, белая, аптечного цвета дверь. Хозяин ждал.

– Слушай, я уже начал волноваться. Здесь бывает опасно ходить. Все время рассказывают такие кошмары. Где ты был? Я же сказал, что встречу.

– Меня обещали встретить. – Аркадий стаскивал рубаху. Наконец, добрался.

– Ванны нет, – предупредил Ося. – Станешь в поддон. И занавеску, как следует, задерни, чтобы пол не залить.

– Я думал, у вас ванна.

– Для пенсионеров так. Зачем мне? У детей, конечно, ванна. Так что ты говоришь, тебя кто-то должен был встретить? Русские?

– Они вас знают.

– Все *наши* друг друга знают. Теперь, конечно, новые едут. Так, кто?

– Фамилия Моргулис.

– Все. Можешь не продолжать. Лева и Мэра.

– Мэри.

– Может, для кого-то – Мэри. Здесь у нас все по-английски. А вообще, она Мэра.

Пока переговаривались через открытую дверь, Аркадий омылся и закончил холодным душем. Только так он окончательно пришел в себя, вернул форму. Кухня, душ рядом с унитазом через стеклянную перегородку – все маленькое, разочаровывающее. Кухонное окно смотрело в асфальтовый двор. Там несли со склада ящики. Парень в кепке с огромным козырьком заставлял овчарку прыгать за палкой. Картина открывалась прозаическая.

– Гороховый суп будешь? – Спрашивал Ося. – Я твою водку пока не открываю. У меня есть. Что собираешься делать?

– Пойду фирму искать. – Аркадий влажный и блестящий уселся за стол. Он проголодался, гороховый аромат кружил голову. На секунду задумался – стоит ли пить перед важным визитом и решил – стоит. С какой стати? Он в отпуске или нет?

– Они мне сорок марок должны за такси. И вообще, есть о чем поговорить.

По-видимому, последняя фраза вышла угрожающе. Ося заволновался: – Аркадий, я тебя прошу, не порть с ними отношения. Они меня знают.

– Да. Мэра мне говорила. Но при чем здесь вы?

– Как, при чем? Ты еще спрашиваешь. Мы – соседи, рядом живем. Не дай бог, скандал. Ты не знаешь этих порядков.

– У меня с ними сугубо деловые отношения, – к этому времени выпили по рюмке, Аркадий сжевал привезенной колбасы и принялся за суп. Ося принес из кухни чайник с кипятком. – Это – концентрированный суп. Из банки. Я его кипятком разбавляю по вкусу. Попробуй.

Аркадий попробовал и разбавлять отказался. Он предпочитал натуральные продукты. Где же питаться ими, как не здесь?

– Они взялись гостиницу перекраивать, которую я строил, – пояснял У. Он слегка важничал. – Пригласили меня посетить фирму. Гарантировали встречу. Я приехал, нет никого. Сорок марок на такси. Ну, что за люди, дядя Ося?

– Такие, как все. Чем они только не занимались. Я тебе скажу, – Ося приблизил к Аркадию возбужденное лицо. – Веселый дом они тоже держали. Пара полячек. Бизнес. Ты думаешь Лева хотел? Но, что делать...

– Она что – проститутка, эта Мэра?

– Не дай бог. Такое скажешь. Я же говорю, только для бизнеса.

– Много вы знаете.

– Аркадий не говори так, я рассержусь. А она тебе понравилась? Уверяю тебя, это мертвый номер. Хотя ты, конечно, как твой папа. Думаешь, все женщины от тебя без ума.

– Ладно, посмотрим. – Аркадий смутился. – Мне интересно, почему меня не встретили. Сама вызвалась, я не набивался.

– Не знаю. Вообще, они люди точные.

– Вот это мне интересно. – Аркадий выпил еще рюмку и встал. Он был готов немедленно браться за дело.

– Подожди, – Ося хлопнул себя по лбу. – Конечно. Я позвоню Бэлле, и мы будем иметь точную информацию. Кто такая Бэлла? Можешь не сомневаться, Бэлла знает. И вообще, она мне не чужая. – От выпитого Ося разругался и выглядел молодцом. Почти как тогда, в гостях. Последние слова он произнес драматически.

– Бэллочка, – обратился Ося в телефон. – Ну, так он приехал. Кто? Как кто? Аркадий. Мы сейчас с ним сидим. Он тебе привет передает. И тебе тоже, – передал он Аркадию от незнакомой Бэллы – Да. Так ты слышишь? Долетел хорошо. Тут его Моргулисы обещали встретить, но не встретили. Почему Моргулисы? Это – не тайна, могу сказать. Они нашли бизнес. Там у них. Они хотят там открыть казино. Да, казино. Ну, значит, теперь разрешают. Такое время. – Ося говорил с паузами, заговорщицки поглядывая на Аркадия. – В общем, Аркадий строил этот ресторан. И без него там ничего нельзя менять. Да, да. Такой он важный. Поэтому Моргулисы его нашли. Мэра нашла. И решили обсудить здесь. Обещали встретить, Он ждал, как договорились, никого нет. Как тебе это нравится? Он приехал на такси, сидит теперь злой. – Вслед возникла длинная пауза, Ося показал жестом Аркадию, что разговор касается именно его. – Да, Мэра должна была раньше приехать. Она ему сама назначила. Почему нет? Ты знаешь? Ну, так скажи. Какая тайна? Ой, Бэллочка, я тебя прошу. Он будет молчать, как рыба. Ты же понимаешь, он должен знать, как себя вести. Я буду молчать. Да, конечно, никому. Илюше тоже.

Ося еще некоторое время слушал невидимую собеседницу и повесил трубку в состоянии тяжелого раздумья.

– Ты знаешь, где сейчас *твоя* Мэра? Знаешь? Она в тюрьме.

– Как в тюрьме? Где?

– У вас в тюрьме. Но это – страшный секрет. Никто не должен знать. Иначе Моргулисам будут большие неприятности. Для бизнеса это – не подарок.

– А за что?

– Какие-то *их* дела. Бэлла точно не знает. Но она в тюрьме. Аркадий, я тебя прошу, не связывайся.

– Как это не связывайся? Тогда они решат, что я что-то знаю. А так – приехал, как договорились. И еще на такси, – боль финансовой потери пока не отпускала.

– Не связывайся. Бэлла так советует. Иди себе, погуляй по городу. Подожди, пока они разберутся. Подумаешь, сорок марок.

– Одно другому не мешает. Я буду гулять. Но поймите, я должен выяснить, что с моей гостиницей. Я ее строил. Знаете, сколько у меня нервов ушло?

– Я знаю Берлин, – вздохнул Ося. – И знаю, что здесь должно быть тихо.

– Будет тихо. – пообещал Аркадий.

На его счастье, Ося оказался страстным поклонником русских газет. Аркадий, как знал, купил дома, в аэропорту. Так что, покончив с супом, старик погрузился в чтение. События на бывлой родине волновали его, как если бы они случились здесь, сейчас, прямо под окнами, а не где-то за тысячи километров.

А У. собрался пройтись. Теперь, когда решение было принято, посещение фирмы не стоило откладывать. Жребий брошен. И нужно было следовать ему уже сегодня, пока не угасли разочарование и обида. У, даже прикинул, не захватить ли с собой сумку, будто только с самолета. И прямо к своим клиентам, или кем они ему приходятся. Но, нет. Решил действовать без уловок. Вообще, Аркадий не любил хитростей и вранья, хоть знал, что его самого легко обмануть. Но вранье и хитрость – не его игра. Его козыри – прямота, и, если хотите, упрямство. Может быть, не лучшее, но и не лишнее в делах свойство. Сейчас он пригладил перед зеркалом пробор, глянул в анфас требовательным взором, остался удовлетворен, навесил на кисть руки сумочку (такие на родине называют *пидорасточка*) и решительным шагом отправился по делам.

10

Время шло к вечеру. Нужно было спешить, успеть к концу рабочего дня. Дорогу он из Оси выжал, как старика не коржило. Не хотел говорить. И адрес уточнил. Так что отыскать было не трудно. И, действительно, оказалось недалеко, даже странно по масштабу огромного города. От старых стен подъезда шел сырой дух погреба, вполне схожий с отечественным. Бедность и убожество везде одинаковы, по крайней мере, близки по ощущениям. Дверь на втором этаже была сплошь заклеена сигаретными этикетками, правильно, Ося так и сказал – оптовая продажа сигарет, еще этаж вверх, и вот она – фирма. Сбоку, рядом с дверью значилась фамилия. MORGYLIS. Сюда. Аркадий постучал и, поскольку приглашения не последовало, толкнул незапертую дверь, вошел.

Прихожая была знакомого канцелярского вида с круглым столиком, двумя креслами в углу, рядом потертых стульев под стеной... стоило ехать, пересекать границу, чтобы увидеть такое. Да в любом приличном ЖЭКе... Еще был рабочий стол, за которым сидела женщина. Первое приятное за весь день впечатление. Блондинка, моложавого вида, весьма симпатичная. Поправила волосы, глянула вопросительно. Но Аркадий и сам знал, куда попал. Как раз сюда ему и нужно. Висел огромный календарь с фотографией собаки, на этот месяц приходился эрдель-терьер. Тикали часы с гирькой под белым домиком, из него, видно, должна выскакивать кукушка. Фирма старалась иметь славянское лицо. Может, и бедность отсюда? Показная? Хотя нет. Слишком натурально. Женщина отложила журнал – похоже, она томила от безделья и пошла докладывать начальству. Говорила по-русски. Аркадий стал привыкать, все хорошие люди здесь так и говорят. Были основания для энтузиазма. Только бы сам Моргулис не разочаровал. В достоинствах секретарши теперь, когда она прошла, сомневаться не приходилось. Двигалась тяжело, но то была особая грация. Это вам не бесполое манекенщица, не имеющая даже собственного запаха, а так, чем натрут за ушами и между плоских грудок, будто натянутых поверх птичьих ребрышек вместе с кожей, ватными плечами, каким-нибудь балахоном, обмотанным многометровой цепью, а теперь еще нередко и крестом. У этой в собственных, не придуманных модельером достоинствах сомневаться не приходилось. Женщина скрылась за дверью и тут же вернулась, предложила войти. А сама уселась на место, вполне равнодушная. Ладно, не до нее пока.

За пустынным столом, отсвечивая голым черепом, сидел человек средних лет, пожалуй, ровесник Аркадия. Обращали на себя внимание руки. Они были необычайной длины, и – человек был в рубашке с короткими рукавами – будто сплетены из жил толстого, тугого каната. При виде посетителя, хозяин кабинета сложил руки на груди, и они улеглись, обвив друг друга, как две сытые змеи.

– Жена должна звонить, – пояснил Моргулис явную бездеятельность. Слова вышли вместо приветствия.

– М-да. – Аркадий оценил скудость обстановки. Назвал себя, напирая особо на *архитектор*, но эмоций не вызвал. Похоже, Моргулис ничего не знал о его приезде.

– Жена задержалась по делам. Потому я не в курсе.

– Может быть, перезвоните, уточните?

– Нет. Связь у нас односторонняя.

Еще бы, с *тюрягой*. Хорошо, что Аркадий был в курсе. А то, как понять? Он кратко изложил суть, разговор в гостинице. Со спокойным достоинством потерпевшего упомянул про срыв встречи (по вине фирмы!), про высокие транспортные расходы (тоже!), в общем, без ложной скромности.

– Ну, что я могу сказать. – Моргулис пока слушал сонно, не поднимал головы. Когда Аркадий закончил, развел длинные руки, казалось, еще немного и дотянется до Аркадия. Опять свернулся в клубок. – У нее обстоятельства. Раз договаривались, ждите.

– Сколько?

– Откуда я знаю? Пока не дождетесь. Она же вас приглашала.

– Она. Но дело у вас общее.

– У нас фирма партнерская. Прежде, чем я что-нибудь решу, должен с ней обсудить. А ее нет. Вас я вижу в первый раз. Вы кто, говорите? Архитектор?

– Да, архитектор. Той самой гостиницы, которую вы собрались в казино переделывать.

– Вы садитесь. – Моргулис чуть оживился, пришел в себя, привстал и протянул руку. Достал Аркадия. Ладонь была большая, сильная и сухая. Настоящая мужская ладонь. И рукопожатие энергичное, благородное, без желания показать силу. – Как там у вас дела?

– Нормально.

– Значит, вы считаете, что без вас мы не можем гостиницу тронуть?

– Камня не дам поднять.

– В *мое* время было проще.

– А теперь так. В конце концов, подумайте. Кто имеет право на переделку здания, если не его создатель.

– Хотите принять участие в судьбе будущего казино?

Почему бы нет, но Аркадий почуял подвох. И вопрос был неожиданный. Иди, знай. Пока он отвечал твердо: – Участие в судьбе казино не входит в мои планы. Но я строил этот объект и хочу, чтобы он так и стоял. С казино или без.

– Угу. Значит вам судьба казино безразлична? А если оно не даст прибыли? И вновь придется перестраивать?

– Было бы с кем. Плохо я своему дому не сделаю.

– Теперь слушайте. – Моргулис подумал прежде, чем ответить. – Приглашала вас жена, не я. Значит, все вопросы к ней. А по делу так. Я этому казино, если оно еще будет – не хозяин. Я – посредник, оказываю услуги. Продаю, покупаю, сейчас, вот, это казино. И то, еще не решено окончательно.

– А кто надзор за работами будет вести?

– Не знаю. Отсюда, сами видите, далеко. Теперь еще. Всю смету утверждает мой клиент. Проект, согласование, работу, материалы. Начинку я закупая, у вас ее нет. Столы для игры, бары, в общем, все. Это, когда строительная часть будет выполнена. Такая моя задача. Предприятие совместное. С нашей стороны заказчик и с вашей. Я пока только *нашего* знаю. Мое дело, повторяю, проект. И архитектор для этого у нас уже есть.

Помолчали.

– Ну, ладно, – сказал, наконец, У. – Но учтите, играть придется тоже здесь. Даже камня поднять не дам, не то, что дверь переставить или стенку.

– Я сказал. Решает заказчик. Его слово. Распорядится насчет вас, милости просим.

– Ладно. Мое отношение вам известно. – Аркадий чувствовал, что начинает повторяться. Пора менять тактику, но никак не мог придумать, как. Весьма кстати затрещал телефон. Моргулис поспешно схватил трубку. – Да, да... – Аркадию махнул рукой, чтобы подождал снаружи.

У вышел. Женщина была одна. Томясь, листала журнал.

– Чего это ваш не в духе? – Аркадий сел.

Секретарша только глянула, но отвечать не стала.

– Почему мы встречаем земляков за границей и даже не хотим улыбнуться? Это что, традиция такая?

Секретарша оторвалась от журнала, уложила руки на стол, улеглась на них подбородком. Волосы упали на лицо. Находясь в такой восхитительной позе, спросила насмешливо: – Ну, хорошо, землячок. Что вы от меня хотите?

– Поговорить, познакомиться.

– А шеф, что мне скажет. В рабочее время.

– Не обязательно в рабочее...

– А-а, понятно. – Женщина приподняла прядь волос за ухом, разгладила, пропустила между пальцами. Хорошо у нее вышло, и сама откровенно наслаждалась игрой. – А почему вы о муже не спросите?

– Сами скажете, если есть.

Женщина на это промолчала, загрустила и вновь уткнулась в журнал. Аркадий набрал воздух, готовый развить наступление. Но Моргулис предложил зайти.

– Узнали насчет меня?

– Это не она. – Моргулис был разочарован. – Ладно. Сейчас ничего нового друг другу не скажем. Я вас понял. Приходите завтра с утра. Прямо в девять. Будет заказчик. С ним и решим.

Тут в дверь сунулась секретарша: – Лев Зиновьевич, к вам Шпильман.

Следом, не дожидаясь приглашения, вкатился невысокий толстяк, весь в белом, похожий на снежную бабу, разве что, толще. Вбежал резво, будто застоялся в коридоре, положил на край стола пухлую папку, – и она белая – сунул всем руку. Причем Аркадию с таким видом, будто они знакомы давно или слышали друг о друге, мечтая познакомиться. Глаза у Шпильмана были острые, внимательные и быстрые.

– Собрались к нам? – Выслушал он представление Аркадия. – Молодец. Хорошо, признайтесь, *среди своих* встретиться. Вот так, на чужбине.

Аркадий признался, что хорошо, и беседа кончилась. Только Моргулис бросил примечательную фразу: – У вас там в Совмине знакомых нет?

Знакомых, увы, не было, но Аркадий ответил твердо: – Можно поискать.

Секретарша была занята, готовила кофе. Аркадий попрощался и пошел домой.

– Ну, что? – Ося изнемогал от любопытства. – Ты у них был?

– Был.

– А я еще звонил. Она таки крепко сидит. Но это – страшный секрет. Моргулис всем говорит, она задержалась по делам.

– Знаю. Он и мне говорил. А что у нее за дела?

– Ай. Обычный шахер-махер. Теперь все как взбесились. Носятся туда-сюда. Кто теперь может разобраться в *ваших* порядках? Ты же знаешь эту *систему*. – Последнюю фразу Ося произнес насмешливо, но отзвука в Аркадии не нашел. У. дельцов не любил, а проныр, которые знали ходы-выходы, и вовсе терпеть не мог.

– Что-то я не вижу пользы от их беготни. Гребут себе в карман.

– А в чей ты хотел? Это и есть капитализм.

– Никакой не капитализм. Много вы из Германии можете вытащить? Сразу на цугундер. А у нас вагонами грузи. Это называется иначе. Грабеж общенародной собственности. Вот как.

Ося только вздохнул. – Ладно, тебя не переспоришь. Ты где спать любишь?

– То есть как, где?

– Ну, с края или под стенкой. Мы здесь рано ложимся. Давай диван раздвинем. Раскладушки у меня нет.

Общими усилиями приготовили постель. Ося натянул теплые носки – Аркашин подарок. По ночам стыли ноги, и он, оказывается, давно мечтал именно о таких носках. Подарок пришелся кстати.

– А что у вас здесь носков нет?

– Ой, здесь все есть. Но пока купишь одно, пока другое. Если бы одни носки.

Улеглись. В комнате было жарко. Ося боялся простуды и не дал открыть окно. К тому же, припугнул, в городе от жары развелись какие-то москиты. Это в Берлине, с ума сойти. Стойко держался запах горохового супа. Ося беспокойно ворочался рядом. Несмотря на усталость, У. долго не мог заснуть. Проснулся среди ночи, старик сидел на краю постели и ожесточенно скреб ноги, одну о другую.

– Сними с меня носки, – жалобно попросил. – Жарко.

Аркадий выполз из постельного логова, ухватил носки за пятку и потащил так, что старик едва не оказался на полу. Потом заснули окончательно. Утром У. едва не проспал важную встречу у Моргулиса.

11

В *контору*, – так Аркадий теперь пренебрежительно, про себя называл фирму, – он заскочил минута в минуту. Кукушка пряталась в домике. А народ уже был. Секретарша подняла голову, не удивилась. Признала своего. В кресле развалился громадный детина и чистил ногти лезвием ножа. Нож был бандитский, и рожа не краше – чернявая и тупая. Кресло было мало-вато, гость наполовину лежал, выкатив тугие ляжки в джинсах, и нагло распахнул колени в сторону секретарши. Локти держал на отлете на спинке кресла, вровень с головой, как крылья у летучей мыши.

Аркадий в приемной не задержался, но подумать на ходу успел: – Типичный мафиози, прямо из фильма.

Участники разговора уже собрались. Моргулис – на хозяйском месте за столом. По хмурому выражению Аркадий понял, за ночь отрадных новостей не прибавилось. Под стеной сидел розовый старичок, похожий цветом на куклу Барби. Голова будто присыпана тополиным пухом. Старик сидел, сложив на коленках руки, симметрично и точно, ладошками вниз, видно, знал дисциплину. Еще один – морщинистый, непонятный, с темным черепом сидел рядом со столом Моргулиса, в кресле, явно предназначенном для почетных гостей. Из-под расстегнутого белого воротничка выпирал еще один – черный, туго облегающий шею под самый подбородок, как у какого-нибудь пастора. Вот только рожа – жеваная, с набрякшими подглазьями, равнодушная, была далека от святости. Этот – явно здесь главный смотрел на Аркадия невыразительнее и скучнее всех, будто на кисть винограда или, например, персик, и размышлял, борясь с тяжестью в желудке и дремотой после сытного обеда: может, прикончить и этого, заодно, раз уж попался на глаза... Чепуха, конечно, но, может, не совсем.

– Я – минута в минуту, – подчеркнул Аркадий. И сейчас, и впредь (скажем, забегая вперед) к нему часто приходило ощущение нереальности происходящего. Вроде бы, все это – не с ним, а если с ним, то не наяву, а в каком-то нелепом сне.

Кивнули. Розовый старичок даже с готовностью, приветливо. Моргулис заговорил, почтительно склоняясь к креслу.

– Яша, это *тот* архитектор. Я его знать не знаю. Разыскал там Мэру и требует, чтобы мы поручили ему проект переделки ресторана. Мэра его видела всего раз. Сам признает. А теперь явился сюда. Расскажите, – Моргулис обратился к У. – Что вы от нас хотите?

Аркадий уселся на стул посреди комнаты (Моргулис жестом пригласил) и заговорил, обращаясь к персонажу в кресле. Ясно, это и был заказчик.

– Я строил и этот ресторан, и эту гостиницу. Автор проекта. И я заинтересован в их сохранности. Тем более, работа выдвинута на премию.

Так вкратце прозвучало. Помолчали, вернее, кресло продолжало молчать. Моргулис выждал паузу и заговорил. Сразу взял агрессивный тон. Понятно, для кого старался.

– Послушайте, что вы такое рассказываете? Вы что, сами не видите. Ресторан дохода не дает, гостиница ваша – пустая. Люди горят. А вы нам про какие-то премии... Есть нечего.

– Тем более. Для того и принимают Закон об авторских правах, чтобы произвола не допустить. А премии будут, можете не сомневаться. – Теперь Аркадий и сам поверил: он должен получить премию. Вообще, когда давили, да еще так грубо, он чувствовал себя уверенно. Если Моргулис хотел сбить, то просчитался.

– Перестань. – Моргулис вдруг перешел на свойское *ты*. Скажи прямо, чего хочешь. Не финти.

– Я хочу, – Аркадий говорил веско, будто диктуя, – чтобы любые изменения проекта, тем более меняющие его назначение, были согласованы со мной, как с автором. Чтобы проект переделки поручили мне. И авторский надзор за реконструкцией.

– Ты казино когда-нибудь строил?

– Меня, кстати, *твоя* жена уже спрашивала. Нет. Казино я не строил. Но сделаю лучше других. У меня вся информация. И по зданию. И по согласованию. И по организации работ.

– А у нас, ты думаешь, нет? Вон. – Моргулис кивнул на телефон, а потом в сторону дисциплинированно молчащего старика. – Только спросит. Любой замер. Любая цифра. За пять минут будет на столе. Объясни все-таки, зачем ты нам нужен. Я не понимаю. – Разговор обострялся. Заказчик пока помалкивал, сидел раздутый от важности, непроницаемый. Моргулис обернулся к нему, хлопнул себя в грудь обезьяньей лапой.

– Яша, клянусь, первый раз его вижу. Мэра приедет, подтвердит. Что с ним делать?

Яша не отвечал, дремал, как сфинкс.

– Слушай, – сказал У. Моргулису, – ты можешь на немецкий перевести. – Он – архитектор? – Кивок в сторону старика.

– Йа, йа. – Подтвердил немец, он понял, что разговор о нем, и напряженно всматривался в лица.

– Спроси его. Он строил казино когда-нибудь?

– Да, это не важно, пойми...

– Нет, ты спроси. – Настаивал У, тыча в немца пальцем. Тот и сам потянулся верблюдьим личиком, желал понять, чего хотят. Моргулис неохотно перевел.

– Найн, найн. – Немец удивленно замотал головой. Должно быть, речь шла о чем-то уже известном и решенном.

– Я вас, *ребята*, не понимаю, – сказал Аркадий запросто. – Если вы, конечно, на самом деле решили строить. Как я могу доверить свой дом какому-то немцу, который его ни ухом, ни рылом, казино не строил и, вообще, может, забыл, как карандаш в руках держать. Это что, серьезно? Нет, я на это не подписываюсь.

– Тебя никто и не просит, – буркнул Моргулис. Он сбавил тон. Видно, в чем-то его Аркадий убедил, Ты хоть сам в казино был?

– Был. В Индии. В прошлом году.

– В синагоге ты был в Индии. – Сказал Моргулис почти ласково, а сам еще раз глянул в сторону молчащего заказчика. Явно ждал указаний.

В ответ на *синагогу* Аркадий поиграл скулами и спросил: – Ну, как же он будет проектировать, если ни одного размера не знает? А играть во что?

– Это наше дело, – отмахнулся Моргулис. – Рулетка. Черный Джек.

– А какой зал? Сколько столов? Где бар? Где подсобки? Где сейфы? Пожарный выход? Ё-моё. Да, вы что? – Аркадий говорил напористо, путая впечатления от виденного в фильмах, с тем, что пришлось строить. Тем более, кое-какие мысли уже вертелись. – Да, он наших материалов не знает. Марки бетона. Как кирпич кладут. Он вам выстроит мавзолей. Я дело предлагаю. А вы...

– Предлагаешь? Ты за горло берешь...

– Интересно. А что б ты запел, если начнут твой дом курочить. Я разве не даю? Бери землю и строй. Немец тебе такого навалит. Так ты ко мне залез.

Тут в бесплодную, в общем, перепалку вторгся посторонний звук, какое-то шипение, будто на старую допотопную пластинку, например, Шаляпина, заезженную тысячами прослушиваний, водрузили грамфонную иглу. Шипение, очевидно, доносилось из кресла. Моргулис замер, лицо почтительно вытянулось. Молчавший до сих пор заказчик воздел руки (на обеих было по массивному золотому перстню) к черному воротничку, зацепил там изнутри, и наружу из самых глубин тела понеслись дребезжащие металлические звуки. Что-то еще шипело, булькало, соскакивало, прыгало, путалось, как та грамфонная игла на доисторических трещинах, но постепенно шипение стало равномерным и из этого фона донеслись неясные, нечеловеческие прямо звуки. Моргулис был весь почтительное внимание, немец вертел головой. Аркадий застыл, удивленный.

А шипение, тем временем, стихло. Булькнуло еще с урчанием, будто сошла последняя вода в раковине, и стало неожиданно тихо. Приятнейшая наступила тишина.

После этого Моргулис сказал, как бы обращаясь сам к себе. – Я уверен, смокинг не нужен.

В ответ опять зашипело, будто вода попала на горячую сковороду.

– Но пиджак точно нужен, – продолжил Моргулис в том же духе, будто разговаривал сам с собой. – Пиджак, конечно... – Он неожиданно обратился к Аркадию. – Слушай, у тебя пиджак есть?

– Дома есть. Здесь нет.

– Хорошо, хоть дома. – Хмыкнул Моргулис.

– Я сюда отдыхать приехал. – Сухо пояснил Аркадий. – Есть куртка. Но я могу у хозяина взять.

Моргулис окинул фигуру Аркадия. – Ты у старика Бровермана остановился? Сиди вечером дома и жди. Белый мерседес. С улицы посигналю.

– Как в аэропорту?

– Слушай, ты мне надоел. Не хочешь, не нужно. Исчезни и больше не появляйся. Ты меня нашел, не я тебя.

– Буду ждать. – Пообещал Аркадий, кивнул всем и вышел.

– Что-то происходило, но что, он понять не мог. Нервный разговор утомил, смотреть Берлин, как было задумано, не хотелось. Пару часов Аркадий с удовольствием провел в летнем кафе, за пивом. Расслаблялся. Деньги, пусть скромные, были, к вещам и покупкам, чем обычно заняты соотечественники за границей, Аркадий был равнодушен. Магазины его не интересовали, а отказывать себе в скромных удовольствиях он не собирался. Решил жить, не крохоборствуя. И исполнял задуманное с присущим ему упрямством.

Ося ждал дома. Даже по виду было заметно, он извелся в ожидании. Но что Аркадий мог рассказать? Что вся эта канитель начала ему надоедать, и он жалеет, что связался? Именно так. При этих словах Ося радостно закивал, он явно надеялся, что Аркадий разочаруется в опасном предприятии. Но рассказывая, Аркадий, как ни странно, вновь обретал решимость. Пиво добавило мужества. Да, конечно, противно. Осточертело... Сволочи... Но за гостиницу – свое детище он будет стоять до конца. А такси? Тут Аркадия передернуло. Это сколько же пива? И отдать? Ну, нет. Хорош бы он был, если бы спасовал, когда, наконец, добрался до этих, как их там. А разговаривали как нагло...

– Да, кстати. Дядя Ося, вы не знаете, там был какой-то. С горлом что-то. Не говорит, а только сипит...

При этом сообщении с Осей случилось странное. Он завалился на спинку собранного с утра дивана и издал странный писк. Будто пытался подражать голосу, если так можно назвать, недавнего Аркашиного собеседника.

– Не так. – Сказал У. – У того шипение такое густое. Ш-ш-ш... А у вас, извините, как у цыпленка. Пи-пи-пи...

– Но Ося, как оказалось, и не думал никому подражать. И если с кем его можно было сравнить, это с рыбой. Некоторое время он продолжал беззвучно открывать и закрывать рот, взгляд даже помутнел. Действительно, рыба без воды, на пределе жизни. Аркадий забеспокоился. Хорошо, что голос как раз вернулся... – Яша??? – И опять пропал.

– Ну, да. Яша какой-то, с трубочкой.

Тут Ося глянул на Аркадия с такой невыносимой тоской, какую видишь в жизни всего несколько раз, а увидев, уже не можешь забыть. Та же умирающая рыба, но в сто крат сильнее.

– Майн гот, – тихо сказал Ося. – *Ты с ним говорил?*

– Да. Я ему сказал свои условия.

– Ты – ему? *Свои условия?* Это же был Яша Горлышко.

– А что? – У. был сбит с толку.

– Аркаша, – сказал Ося печально. – Это – Яша Горлышко. Самый главный бандит. Во всем Берлине.

Тут и Аркадий опешил. Хотя, если здраво рассудить, в самом факте не было ничего удивительного. Кому же налаживать игорный бизнес в перспективной стране, открывшейся для благ цивилизации?

– Это – страшный человек. – Речь за время паузы вернулась к Осе полностью, даже с избытком, и теперь он плаксиво причитал. – Что же будет? Это же наш Яша. Он здесь заправляет всеми заведениями. Ему горло перерезали. Конкуренты. – Ося говорил нараспев, речитативом, похожем на монолог из древнегреческой трагедии. Тем более, что он и сам не скрывал жанр – именно, трагедия. – Ой, что здесь было. Они его недорезали. Говорят, итальянцы или турки. Так он им устроил. Что устроил? Варфоломеевскую ночь. В канализации трупы плавали. Горячую воду отключили. Ты себе представляешь, чтобы немцы отключили горячую воду?

– Не выдумывайте.

– Ха. Он говорит, не выдумывайте. У Бэллы в унитаза палец всплыл. А ему – не выдумывайте.

– Какой еще палец?

– Ой, не вспоминай лучше.

– Перестаньте, дядя Ося. Теперь он этим не занимается. С его горлом.

– Много ты знаешь, чем он занимается. В опере он точно не поет. А зачем ему еще голос? Ты знаешь, где его папа?

– У него еще папа есть?

– Нет, он – сирота, – сказал Ося со скорбной иронией. – Так его папа заведует игральными автоматами в блоке. Ты знаешь, что такое *в блоке*? Это самый страшный бизнес. Они снимают в квартале квартиру. Ставят там свои автоматы и открывают на всю ночь. Можешь представить, кто туда ходит? И кого эти наркоманы грабят первым? Там смертники сидят. И папа Горлышко. Он уже три года там. И никто его ни разу не тронул. Ты понимаешь?

– Нет, не понимаю. Он что, родного отца прокормить не может?

– Ты таки не понял, – удивился Ося. – Во-первых, у нас не принято. Здесь родители на шее не сидят. Пока можешь сам зарабатывать, зарабатывай. Но не в том дело. Горлышко проверяет на папе свой *авторитет*. Потому что первым, на кого поднимут руку его враги, будет папа. Это все знают.

- А если папу тронут?
- Ага, понял. Это значит, что у Яшки появились враги.
- Я не про Горлышко. Что с папой будет?
- А что бывает со стариками?

Ося взялся за телефон и запричитал теперь в трубку: – Бэллочка, ты слышишь, что сделал этот ненормальный? Я не волнуюсь. Это – не то слово. Он собирается работать на Яшу Горлышко.

– Еще неизвестно, – пробурчал Аркадий. – Не очень он меня берет. Вы еще про палец спросите.

– А я что ему говорю? – Изводился Ося. – Тебе что, жить надоело? В Берлине канализации на всех хватит. А он что? Он смеется, ненормальный. Говорит, не может быть. Он думает, это ему шуточки. Помнишь, ты рассказывала про палец? – Ося с негодованием глянул на своего гостя. – Ну, хорошо, с пальцем неясно. А вообще, как тебе это нравится? Он со мной еще спорит. Подожди. А меня за что? Я же не знал. Это не играет для них значения? Огнетушитель? Откуда у меня огнетушитель? Если они подожгут, что я смогу потушить этим огнетушителем?

Ося повесил трубку и погрузился в печаль. – Бэлла говорит, – сказал он, наконец. – Сначала тебя побьют. Потом мне подожгут квартиру. А потом уже... – после этих слов наступила мрачная тишина. Ося вдруг вскочил и резво пробежался по комнате. – Я же говорил Илье, бросай все и езжай к нему. Когда он откроет глаза, он должен видеть тебя. Первого.

– Кому вы говорили? – Аркадий был сбит с толку окончательно.

– Кому говорил? Илье говорил. Сыну. Когда Горлышко привезли в больницу, я говорил. Иди к нему и зашивай его проклятое горло. Беги. А тот упрямый – сейчас не мое дежурство. Немцы не поймут... будто немцы понимают, кто такой Горлышко... У них не принято... А когда отца подожгут, так это будет принято?

– Послушайте, дядя Ося. Откуда ваша Бэлла все знает? Подожгут... Зарежут... будто у них пистолетов нет.

– Зачем им пистолеты? Бэлла, если говорит, она знает. Ты такой герой, как твой отец. Мы здесь пистолеты только в кино видим. А этот придет с ножичком. Чик и в канализацию. Ой-ёй. Еще красную шапочку в рот запихнет.

– Какую еще шапочку?

– С кисточкой. Чтобы на турка подумали. *Наши*, говорят, всегда так делают.

– А те, что запихивают? Ушанку?

– Знаешь. Я не могу с тобой разговаривать. – Ося уселся в угол дивана и стал, не отрываясь, смотреть на обои. Он явно не рассчитывал дожить до конца дня. Даже на телефонный звонок отреагировал вяло. – Да, да, какой балет? Я не хочу никакого балета. Валидол, да. Я приму. Но теперь все равно. А ему что? – Ося скорбно глянул на Аркадия. – Они теперь такие умники. Думает, что все это – шутки.

– Бэлла мне велела принять валидол, – пояснил он Аркадию, закончив разговор. – Сама она на балете помешанная. *Лебединое озеро* сейчас, успокаивает нервную систему. Будто, от мафии лебеди могут помочь.

Аркадий напряженно размышлял. Пугать Осю не хотелось. Может, действительно, плюнуть? Черт с ним. За этими размышлениями его застал гудок. Долго гудели, пока Аркадий не сообразил. Белый мерседес стоял внизу.

– Это за мной?

– Что, уже?

– Перестаньте, дядя Ося. – Аркадий обнял старика и прижался щекой к щеке. – Клянусь, если что, сразу выхожу. Отказываюсь от всех претензий.

Ося не повернул лицо, а в состоянии глубокой задумчивости воздел над головой руки и заговорил библейски: – Будь проклят тот день, когда я с тобой связался. – Тут он успокоился и добавил буднично. – Будешь возвращаться, позвони три раза. Иначе не открою.

– Дядя Ося, – говорил Аркадий рассудительно. – Сами подумайте. Вы – уважаемый человек. Сын – врач. Ухо-горло-нос. Кто вас тронет? В крайнем случае, меня *предупредят*. Дадут слегка по голове. Что они сразу убивать будут.

– Дадут по голове... А лечить кто тебя будет? – Спросил Ося на прощанье и безнадежно махнул рукой. – Ладно, иди... – Видно было, страх борется в нем с любопытством. Он явно дожидался ухода непутевого гостя, чтобы перезвонить мудрой Бэлле и еще раз обсудить с ней ситуацию.

12

Моргулис был за рулем. Такой же сумрачный и неразговорчивый. – Назад садись, – пробурчал Аркадию.

А сзади уже был пассажир. Улыбчивый, с простецким лицом, насколько можно было разглядеть в полутьме, этот явно источал дружелюбие. Его – дружелюбия пока Аркадию не хватало. – Э-э, на пиджак не сядь, – предупредил и стал знакомиться. – Игорь. Надень сразу галстук, вот. – Сам Игорь как раз и был так одет. Пока ехали, Аркадий натянул пиджак. Игорь разглядел спину. – Сойдет. Мой личный. На тебя, как пошит. Лева, глянь.

Моргулис даже головой не повел. Он предпочитал молчать. Ехали какими-то плохо освещенными улицами, будто не Берлин вовсе, не столица. Машина прыгнула пару раз на выбоинах. И это – мерседес. Заразившись настроением сумрачного Моргулиса, новый знакомый и сам насупился, помрачнел. Ясно, едут они по делу, только куда? Наконец, прояснилось. Выскочили на яркие огни, еще проехали и прибыли. Разноцветная вывеска шла волной ЛАС-ВЕГАС. А впереди горело четко и внятно. КАЗИНО. Все это, конечно, не по-нашему.

– Приехали, – мрачно объявил Моргулис, а Игорь добавил, осматривая стоянку машин: – Народа маловато.

– На вас хватит. Идите, я пока погуляю. Вот тебе пятьдесят марок. Игорь скажет, что делать. Паспорт взял? Тогда вперед.

Пиджак оказался на Аркадия широковат – Как раз для *пушки*, – пошутил Игорь. От галстука Аркадий твердо отказался, ворот рубашки разложил поверх пиджака. Это был его стиль, отвечающий еще неясной цели. Себе Аркадий напоминал второразрядного гангстера – боевика, рискующего собственной шкурой, честного труженика подпольного бизнеса. И спутник явно подходил. Снаружи Игорь оказался еще шире, чем в машине. Лицо на свету не разочаровывало: круглилось в постоянной улыбке с детским живым выражением. Такого не заподозришь в хитрости и задней мысли. Так, по крайней мере, казалось.

– Только, Игорь, не зарывайтесь, – напутствовал Моргулис.

– А чего он не идет? – На ходу интересовался Аркадий.

– Он у них на компьютере. Судимость. Ему вход заказан по гроб жизни.

– А за что?

– Что, за что? – Игорь глянул совсем по-приятельски. – Меньше будешь знать – дольше проживешь. Слышал? Тридцать марок готовь. Вступительный взнос. У них здесь клуб с понтом. Славянам, блин, сейчас классно. Их еще в Интерполе нет, валят со всего Союза. *Такие люди*. Трудящиеся кричат – где наши бабки? Где кровные? Отцов и дедов, трех поколений. Приезжайте, увидите. Здесь бабки, здесь. Сюда плывут.

Оказались возле конторки, перегородившей вестибюль. Гладкий господин улыбался, как давним знакомым. А за спиной расселись крепкого вида охранники, один – черный. Гостеприимство, однако, имело четкие пределы.

– Паспорт давай, – подсказал Игорь. Сам вынул из кармана какую-то картонку, предъявил. Господин, действительно, сверил паспорт У. с компьютером, убедился, не забыл еще раз отпустить Аркадию улыбочку, уселся за стол, аккуратно выложив белоснежные манжеты, и занес фамилию У. в бланк с золотым тиснением. Встал и с торжественным видом вручил Аркадию. И тот кивнул в ответ. Принят. Под фамилией У. шла длинная породистая подпись золотом.

– Это ихнего президента, – пояснил Игорь, пока шли по лестнице. Лестница была плотно обтянута пухлым ковром, ступать по нему доставляло удовольствие. Чувствовалась важность заведения. – Он у них барон, чемпион по мотогонкам. А жулик – сука, как все они. – Эту характеристику Игорь дал с непривычным для себя ожесточением.

– Чего это?

– Потом расскажу.

Большой зал, куда они попали, был заполнен негромким гулом голосов и механическими звуками. Сосредоточенным движением и дыханием единого организма, загипнотизированного важнейшим и достойнейшим делом – игрой. Народа, впрочем, было немного. Вялая жизнь сосредоточилась лишь за двумя столами в центре, а остальные – у стен стояли пустые и полутемные, не согреты жарким дыханием азарта. Предстояло действовать. Игорь прояснил задачу. Нужно снять точные размеры игровых столов, чтобы прикинуть под них планировку будущего казино, решить оптимально. Значит, замерять нужно все – сами столы, проходы между ними, расстояние до стен... в общем, максимально переработать весь опыт.

– Горлышко хочет, как здесь, – напомнил Игорь.

Ладно, поехали. Двинулись сначала к действующей рулетке. Аркадий уже прикинул план. Из кармана потянул тонкую бечевку. Как чувствовал, захватил с Осиной кухни. Но Игорь перехватил руку.

– Ты что? – Зашипел. – Охренел? Никаких замеров. Выкинут и морду начистят, мало не будет. Это же – промышленный шпионаж. У них тут камеры везде. – Игорь метнул взгляд в потолок. – Тем более, за новичками. Давай на глаз.

– Ладно. – Аркадий вынул руку из кармана. – Поставим пока, а там разберемся.

– Нет. Сначала дело.

– Сам говоришь, работать не дадут. Присмотримся.

– И присматривайся. Ты что думаешь, Левка тебе на игру бабки дал? Сначала дело.

Аркадий озибался. Можно было, конечно, прикинуть размеры на глазок. Но в работе он привык к точности. Делать, так делать, как следует.

– Держись, – скомандовал Игорю. Они были как раз рядом с рулеткой, за спинами играющих. У. обхватил нового знакомого за плечо и привалился к нему, как пьяный. Опирались на Игоря было удобно. Кряжистый, он был надежен, как афишная тумба. Рука Игоря забралась Аркадию под пиджак. Легла на талию.

– Мы с тобой, как педрилы, – сказал Игорь. – Нормально. Они часто тут ошиваются. Пусть теперь секут, гады. Я как, не слишком лапаю?

– Порядок, – пока они переговаривались, Аркадий шел по краю дорожки точными приставными шажками, *коломашиками*. Пятка одной ноги точно к носку другой. Так обошли стол, делая четко развороты. Заодно замеряли и величину прохода. Появились первые цифры.

– Отдохни, – разрешил У. Игорю. – А то крутишься, как мадам Баттерфляй. Сейчас еще раз пройдемся.

– Блядская работа, – сказал Игорь.

– Нормально. Не в потолок, на баб гляди. Меня не отвлекай. А то собьюсь. – Главное не перепутать – в этом была сейчас забота.

– Каких баб? – Бормотал недовольный Игорь, голова его была свободна. – Одни старухи. Не на ком глаз отогреть. Осторожно, блин, сейчас фрица переедем.

И, действительно, наскочили на пятящегося от стола немца. Тот с удивлением оглядел петляющую парочку.

– Сори, – улыбнулся Игорь немцу и тем же масляным голосом добавил. – Иди на хер.

– Гут. – Сказал немец.

– Ты рули, рули, – одернул Аркадий. – Не зарывайся. Сам говоришь, русских до хрена. Сейчас закончим.

– Секут, суки, – пожаловался Игорь. – Чую, по темечку мурашки бегают.

– Голову помоешь. – У. был спокоен и сосредоточен. – Где там *джек*?

– Вон, под стенкой. Но сегодня игры нет.

– Ладно, давай еще здесь покантуемся. – Они задержались возле рулетки, понаблюдали за шариком через плечи игроков.

– Не могу без дела стоять, – пожаловался Игорь. – Или будем работать, или крутнем.

– Нет. – Теперь Аркадий проявил благоразумие. – Втянемся, трудно отойти. Цифры из головы полетят.

Отказавшись от соблазна, подобрались к *джеку*. Тут было пусто.

– Погоди. – Аркадий не разрешил Игорю повторить старый прием. – Здесь не выйдет. Что мы вокруг голого стола начнем маршировать?

Действительно, место просматривалось насквозь. Просто чувствовался взгляд камеры. Но тут сама судьба пришла на помощь. Из кармана чужого пиджака Аркадий вытащил знаковый спичечный коробок. Советский. Уж что-что, а его размеры он знал. Можно не проверять. Пять сантиметров в длину и с бока – полтора.

– Ты передо мной стой, вроде разговариваешь, – распорядился Аркадий. Он привалился спиной к столу и сзади стал перекладывать коробку. Плашмя – на ребро, плашмя – на ребро. Игорь молчал, только прикрывал, делал вид, что беседует. Аркадий просил не отвлекать, считал обороты. Раз коробок вырвался, упал на пол. Все равно, чем они занимаются, догадаться было трудно.

– Есть, – сказал, наконец, У., еще раз проверил мысленно. Новые цифры пришлись на старые от рулетки и улеглись прочно. Аркадий, вообще, хорошо помнил цифры, держал в голове целый ворох телефонов, книжкой почти не пользовался.

– Ну, что? – Спросил Игорь с облегчением. – Попробуем счастья?

– Нет. Пошли, пива глотнем. Не хочу больше острых ощущений. Им – развлечение, а нам – работа. – От этой мысли Аркадию сделалось как-то уныло. Ничего, *еще не вечер*.

Лениво направились в соседнюю комнату, к бару. Игорь взял две кружки у яркой грудастой немки. – Фрицы любят, чтобы все было на месте, – похвалил Игорь барменшу. – Не пойму только, как этих турок терпят.

– Ты что, расист?

Игорь отмахнулся: – Мне один черт. Это я про немцев. Такой народ. То людей в печках жгут, то любят так, что слезы из глаз. Мне они до лампы. Я всю жизнь с евреями рядом. Этих уважаю. С тем же Левкой. Ты, если что, не обижайся. Левка – классный мужик.

– А сам ты? Русский?

– Не разберу. Вроде, русский, а мать – украинка. Я за Моргулисом сорвался. Он *Динамо* тренировал по вольной. Я, между прочим, на *мастера* тянул. Подбил сваливать. Нашел еврейку, фиктивку оформил. Сейчас не осталось, а тогда можно было договориться. Мне что? Думали здесь школу борцов открыть. Но интереса особого не было, немцы с войны комплексуют, боятся обидеть кого. Я же говорю, странный народ. Стали мы гореть. Я дальше подался, в Данию. Вот где тоска, как в петле висишь. Не захочешь того уюта, хоть волком вой. Кинуть не с кем. Ночь белая, после десяти на цыпочках ходят. Дети, блин, все толстые. Удрал. Три года назад, опять сюда, думал зацепиться. Попал в это заведение. Давай еще раз, за мой счет. Ты свою бухгалтерию помнишь?

Аркадий мысленно проверил цифры. Жаль, ручки не взял.

Игорь, как почувствовал: – Только не записывай. Если засекли, могут привязаться. Я этих тварей знаю.

– Мало ли, что я мог записать.

– Не нужно. Слушай ученого. Ксиву отберут. Я тебе лучше расскажу, как они меня кинули. Давай еще по чуть-чуть. Приехал с тремя тысячами баксов. Думал присмотреть мастерскую по автомобилям, в долю войти. И встретил Юльку.

– Кого?

– Ты слушай, – глаза у Игоря сделались мечтательными. – Себе не вообразишь. Там, блин, буфет, кружку можно ставить, и еще останется. – Игорь очертил округлость на уровне груди. – На словах не передам. Оторваться не мог. После кабака едем. Уже в такси. Она и говорит: заскочим в этот Вегас, поставим на наше человеческое счастье. Ну, на минутку. Представляешь?

– Зашли?

– Еще как. Тогда мне выписали бумагу. Раз поставили, второй. Сначала, вроде, шло, держался, а потом... Короче, за ночь продулся до копыя. Левка на обратную дорогу дал. За голову схватился, когда узнал. Эта Юлька – поведенная на *игрухе*. Ее здесь каждая вошь знает. Только не я.

– Как же ее пустили?

– Потому и говорю – суки. Сама бы она близко не подошла, а со мной – битте. И делают гады вид, знать не знают, сами проводили к столу, место освободили. Я, конечно, фраер, что завелся. Но кто знал? Ее кроме игры ничто вообще не интересует: ни секс, ни хрена. Зато здесь она балдеет. А они секут. Только мы свое наиграли, стоп. Отвали, моя черешня. Пошла, как миленькая, под белы руки. Ты бы видел, как они ее провожали. Мне не так за бабки обидно, а что попался. Представляю, сколько они таких накололи.

– Может, она с ними на кармане?

– Левка говорит, нет. Здесь не принято. И зачем? Она сама придет. И лоха за собой притащит. Ты думаешь, они меня сейчас не узнали?

– Не свисти.

– Можешь не сомневаться, их учат, сук. Я видел, как он зыркнул. Потому говорю: нужно уши держать по периметру. Пасут, как волк козлят, только мама далеко.

– Ничего. Решили, ты теперь на мужиков западаешь. А чего меня не предупредил?

– Чтобы мандража не было. Я страховал, не трухай.

Аркадий огляделся. Шла монотонная скучноватая жизнь. Трещал вдалеке бойкий шарик, крупье выкрикивал свое. Барменша перешла за другой конец стойки. Там сейчас были клиенты. Пухлые руки летали.

– А что? У Горлышко другого варианта не было, план снять?

– Значит, нет. Он у них в компьютере. Его дело – автоматы. У каждого свой бизнес. Такие твари, на улыбочку не смотри. Зубы на метр длиннее, чем у Яшки. В общем, пришлось мне в Данию возвращаться. Теперь вот приехал.

– Жениться? – Против желания у Аркадия это получилось насмешливо, но Игорь, вроде, не заметил. Парень был мечтательный.

– Может, так. Ладно, давай сваливать. Жаль, ты Юльку не видел, она бы раскрутила.

– Нечего раскручивать. У меня на раз поставить.

– Ставь. Сейчас можно.

Аркадий проверил мысленно, но признаков азарта не обнаружил: – Потом загляну. Билет есть.

При выходе никто и не глянул. Чуть отъехали, Аркадий попросил остановиться, записал цифры, только потом расслабился.

Ося не спал, дожидался. – Вот, – придвинул банку с известным супом. – Чайник на кухне. Разогрей. Я ложусь, ты мне режим нарушаешь.

– У вас бумага есть? И линейка. – Важные дела Аркадий привык решать, не откладывая. – Я посижу еще, поработаю.

Помог Осе улечься, раздвинул диван, сам устроился в дальнем углу, прикрыв газетой лампу. Тщательно до миллиметра замерил длину туфель. И взялся за дело. За окнами было темно и тихо, как в деревне, Аркадий трудился, расставлял воображаемые столы в воображаемом пространстве зала. Для него – романтика это было самое интересное. Та же детская мечта о мире игры, но мечта рациональная, строгая, для взрослых... Противоречий здесь не было. Ставки другие? Но ведь в детстве о них не задумываешься, а для взрослого – любая цена подходит. Такова суть натуры, что не угадаешь ее таинственную сумеречную глубину. Потому сейчас У. ждал вдохновения, как чувствовал, не дал растратить за игровым столом.

Дело оказалось совсем непростым. Отечественный зал под казино шел сапогом. Требовалось либо ставить перегородку, но это уменьшило бы размеры и при наплыве народа выходила толчея, либо думать, как обыграть закуток, где обычно рассаживались официантки, сплетничая и укрываясь от клиентов. Быстрого решения не было. Аркадий даже просчитал вариант большого зала. Вышло не лучше. Малый зал был для ресторана тесен, а без ресторана заведение существенно теряло привлекательность. Это здесь они сами по себе, в казино достаточно бара, но дома такой вариант не пройдет. В первую очередь, для него самого. Как можно без ресторана?

На всякие прикидки ушло часа два, не меньше. Только тогда стал появляться план. Выстроились кружки, квадратики, не случайно, для профессионального взгляда видна идея. Не просто так – затащили мебель, как бог на душу положит. Была ясность, чувствовалась безукоризненная дисциплина ума, а предварительные наброски – их Аркадий тоже сохранил, показывали, что должно быть только так, и никак иначе. Полного удовлетворения не было, исходные возможности площади не давали развернуться, выходило тесно, провинциально. Но что делать? По крайней мере, что было, Аркадий выжал до максимума.

Работа увлекла, он потерял счет времени. Тишина была полная, будто и не в городе вовсе, где какие-то звуки прорываются даже глубокой ночью. Только Ося беспокойно ворочался, вертелся под одеялом, видно, плохо спал, хотя свет лампы был надежно укрыт и не должен был мешать. Стоило У. закончить труды, как Ося проснулся окончательно и уселся, свесив ноги.

– Опять надел, проклятые, – пожаловался, – думал, привыкну, а они жаркие. – Аркадий на ходу стянул со старика носки, разделся и пролез в глубину дивана. Ося тоже улегся. Лежали пока без сна. Ося уже отоспался, а Аркадия пока не оставляло возбуждение вечера и поздней работы.

– Хорошо, хоть клопов нет, – думал У. Бессонница редко рождает добрые мысли.

– Я сегодня белье вывернул, – сообщил Ося.

– Как это *вывернул*?

– На другую сторону. У нас в Европе не принято, как у вас. С одной стороны, и в стирку Другая ведь чистая. Здесь по-умному. Сначала – на одну сторону, а когда грязная – перевернул и на другую. Все так делают. Даже Маргарет Тэчер.

– Уверены? А Королева?

– Насчет Королевы не знаю. А про Тэчер – точно.

– Только постельное? А что на себя?

Здесь Ося оказался не в курсе. Англичане умеют хранить свои тайны. Но тут Аркадий заснул, не прояснив бельевых традиций туманного Альбиона.

Утром У. едва не проспал деловую встречу (ну, и отпуск!), наспех поел, задержался в ванной, ровняя пробор. И услышал, как нетерпеливый Ося выкладывает невидимой Бэлле.

– Я тебе точно говорю, – вещал Ося вполголоса. – Я сам видел. Они теперь обувь линейкой меряют. Почему? Наверно, размеров не признают. Почему, дикость? Может, *им* так лучше. Я своими глазами видел.

13

Имея при себе план, – он ощущал его сложенным в нагрудном кармане рубашки, – Аркадий чувствовал себя более уверенно, чем накануне. Хорошая идея и хорошо выполненная работа должны были принести плоды. Потому шел он сегодня на фирму уверенно. Ирония была в том, что, приехав в отпуск, не куда-нибудь, а за границу и на свои кровные, он так же дисциплинировано спешил к началу очередного совещания, как дома, где пересидел их, пожалуй, тысячи – всяких совещаний, пятиминуток, согласований, планерок, летучек и прочих сборищ, ненужных вовсе, отчасти и лишь иногда – с пользой. Казалось, вся его производственная жизнь составила из такого потерянного времени, а уж добрая половина – это точно. Но, несмотря на этот печальный факт, можно было подобрать аргументы и *за*. Не было это сидение совсем бесплодным! И хотя сами высиженные проекты пробивались с трудом, сквозь тупость начальства, необязательность и безответственность исполнителей – всех этих снабженцев, прорабов, работяг, которым *то не завезли, то не дали технику...* да что говорить! но ведь воплощались его идеи в стекло, в камень, в бетон и стояли теперь... и не стыдно за них, ей богу. Фотография такого объекта была включена в книгу с парадной историей города, иллюстрировала одну из славных вех *социалистического* – так это еще недавно называлось – строительства. И его фамилия красовалась под снимком. Архитектор У. Нет, не зря он трудится. Стоят его дома и новые встанут. Пусть, при капитализме. Мафия? Пусть. В Америке целые города выстроены на мафиозные деньги. А какие дворцы, виллы! Целый бум в тридцатые годы. И это при депрессии, пока простой народ лапу сосал. Ну, и что? А архитекторы пахали. Тех мафиози давно нет. Рассыпались в фараоньих гробах. А дворцы стоят. Кого славят? Хозяев? Нет. Творцов, архитекторов. Аркадий смотрел глянцевые многоцветные альбомы, видел имена. И его это ждет. Таков он – капитализм. Грубо, жестоко? Для слабых – да. Но есть результат. И он будет за него драться. А история рассудит.

Утренние улочки пустыньны. Вообще, район был, на удивление, малолюднен. Народ появлялся лишь при крайней необходимости, как во время средневековых эпидемий, выскочит и назад. Хозяйничала скука. Ближе к фирме Аркадий нагнал парочку. Худую длинную девицу, такую, что, казалось, переломится, и спутника, плотней и пониже, буйно лохматого, поросль завивалась кольцами даже на плечах, стянутых черной майкой. С головы женщины свисала палкой короткая рыжая коса. И тоже в майке, но с плечиками, откуда торчали худющие руки с неожиданно большими кистями, розовыми, как у прачки. Оба были в ношенных джинсах, через плечо несли большие брезентовые сумки, которые таскают расклейщики афиш. Шли под стеной, оглядывались на номера, видно, искали адрес, и Аркадий, расслышал, как женщина сказала: – Спроси его.

Незнакомец только открыл рот, пытаясь составить убогую фразу, но У. разрешил великодушно: – Можно по-русски. – Вот так. Еще позавчера он был таким же беспомощным, зато теперь чувствовал себя едва не старожилом. Он уже привык, что кругом – русские. Немцы пока не попадались, по крайней мере, толпой. Чужбина оказалась вовсе не тяжела. Жить можно...

Незнакомцы расплылись... Тут где-то улица... где-то фирма... – мужчина прочел адрес. Но Аркадий уже понял, куда.

– Моргулис? – Спросил, будто совпадение было вполне естественным. – Тогда за мной.

По дороге прояснилось. Парочка оказалась художниками из Ленинграда. Полгода назад жена Моргулиса (– Где она теперь? – подумал Аркадий и посочувствовал.) взяла у них работы. Обещала устроить здесь выставку, продажу. И пока – ничего. А в одной галерее им сделали

выгодное предложение. Тоже насчет выставки. Хорошие условия. Вот, они идут забирать. Рассказывал художник, спутница – оказалась жена – поспешала сзади. О себе Аркадий информировал скупо. Да и что сказать? Он сам не знал, как определить нынешнее положение.

В приемной трудилась секретарша. Блузка с широким белым воротником делала ее похожей на школьницу, молодила. Писала от руки, старательно, через копирку, как ведут делопроизводство у нас в провинции. По старинке. Компьютер, кстати, был. Стоял за спиной Моргулиса в кабинете, но Аркадий не видел, чтобы им пользовались.

Секретарша отправилась докладывать. Красиво шла, Аркадий загляделся. Объявился Моргулис, не заставил себя ждать. Этот становился день ото дня всё озабоченнее.

– Картины на складе. На хранении, – пояснил. – Как туда попасть? Заходите дня через три-четыре.

– Но нам быстрее...

– Быстрее не будет. Дела. О ваших планах я не в курсе. И, вообще, договор.

– Ваша жена выставку обещала.

– Знаю. Но срок договора не истек. Мы занимаемся.

– Врешь ты все, – подумал Аркадий.

– Тогда верните работы, – художник был настроен решительно и начал нервничать. – Они у вас без дела. Время идет.

– Я вам напоминаю. Срок не истек. Все идет в соответствии с обязательствами. Хотите изменить условия договора? Расторгнуть? Хотите? Будем обсуждать. Но не сейчас. Сейчас времени нет. А вы пока прикиньте: за транспортировку, за хранение, за неформальные расходы.

– Какие еще *неформальные*?

– Думаете, у меня на таможне родственники? А даже, если родственники, – тут Моргулис, видно, вспомнил жену, – еще дороже обходится.

– Я прошу вернуть работы. Нам здесь обещали продажу, и мы тогда рассчитаемся.

– Э, нет, – Моргулис отвечал сухо. – Вы разрываете договор, ставите меня в сложное положение, потому, пожалуйста, расчет сразу и полностью.

– Но у нас сейчас денег нет, – вмешалась женщина. Глаза у нее были страдающие.

– Тогда, что вы от меня хотите?

– Отдайте хотя бы под залог.

– Под залог *чего*?

– Если не рассчитаемся, картины вернем. Еще добавим. Новые. Мы здесь работать хотим, как только будут минимальные условия.

– Работать здесь охотников много. – Моргулис недобро посмотрел на Аркадия. – В общем, давайте так. Хотите забирать – тогда сразу. Заходите через два дня – все подсчитаем. Лишнего не возьму. А теперь – все.

– Это ты их привел? – Спросил Моргулис Аркадия. Грозно спросил, как только дверь за художниками закрылась.

– Первый раз вижу, вместе по лестнице поднимались.

– Так вы отказываетесь вернуть работы? – Художник сунулся в дверь. Видно, еще обсуждали проблему снаружи.

– Я уже сказал. Не мешайте работать.

– Это – произвол, – сообщил художник и скрылся.

Моргулис оглядел Аркадия с явным недоверием, ушел в кабинет, но вскоре вернулся. – Наташа. Выскочи, купи что-нибудь для бутербродов. Быстренько. И воду на кофе поставь.

– Когда совещание? – Напомнил Аркадий.

– Будет *тебе* совещание. Через час.

– А кто здесь останется? – Спросила Наташа.

– Он посидит. – Моргулис кивнул в сторону Аркадия. Ну, что было сказать в ответ? – Я у себя. И все. Больше меня не отвлекайте.

– Садись, – сказала Наташа с насмешкой. Аркадия передернуло. От утреннего настроения не осталось и следа.

Остался один, но не надолго. Объявился недавний знакомый. Слащавый и бойкий Шпильман. Вот, кто обрадовался Аркадию, как родному. Руку сунул. Следом за ним пожаловал еще один. Спокойный, холодный, при костюме и галстуке, несмотря на раннюю с самого утра жару. Восточного вида гражданин, вроде узбека. Этот проследовал мимо Аркадия, не задерживаясь. Шпильман так и прыгал, забегал вперед, хлопоча, размахивал руками, будто разгребал воздух, чтобы восточному гражданину было легче ступить. Провалились за плотно прикрытую дверь. Аркадий остался, томясь бездельем и неизвестностью. Настроение стало вовсе гадким. Чтобы придти в себя, он достал из кармана план – надежду на лучшее будущее и стал бессмысленно пересматривать. Добавить к эскизу было нечего. Телефон подал голос. Из-за дверей, от Моргулиса не доносилось ни звука, телефон разрывался. Пришлось Аркадию брать трубку. В конце концов, для этого его оставили.

– Куда я попала? – Спросила женщина. По-русски, конечно. Аркадий объяснил.

– Наташе скажите, когда вернется, с утра около телефона не буду. Пусть не ищет. А товар, наверно, сегодня привезем. Все подписано. И еще. Скажете, Петя вышел. Да, да. Петя. Она знает. Так и скажете, Люба просила передать, *Петя вышел*.

Наташа вернулась буквально через минуту, еще трубка не остыла. Аркадий сообщил в точности, безразличным голосом. – Люба... Товар привезут...

– Что, весь?

– Этого не сказала. И еще. Петя вышел.

Секретарша застыла над сумкой. – Когда?

– Сказала только: *Петя вышел*.

– Это я слышала, – нервно отвечала секретарша. – Есть кто-то у Моргулиса?

– Тот, что вчера. В белых брючках. И еще какой-то, узбек с виду.

Наташа кивнула.

– Кто такие? – Безразлично поинтересовался Аркадий. Он честно выполнил поручение, передал информацию, и сам рассчитывал на ответ.

– Шпильман? Адвокат. Старается для Моргулиса.

– А второй?

– Из посольства, по-моему.

– Ясно, – Аркадий был человек не хитрый и умилялся, когда удавалось высветить тайные ниточки человеческих отношений. Подумал – это они для Мэры стараются.

Секретарша готовила бутерброды. Хлеб, масло, огурцы, ветчину, сыр, майонез. Ловко настрогала, разложила по тарелкам. Чайник засвистел, кофе заварила. Как раз Моргулис выглянул. – Как у тебя там?

Наташа отнесла поднос, вернулась. Приготовила Аркадию, разложила почти также тщательно (вот в чем проявляется женский характер), и сама подала за столик. – Поешь. – Аркадий был покорен. Себе налила кофе и сидела, задумчивая. Закурила, рассматривала сквозь дым стены приемной.

– Кайфуете? – Высунулся Моргулис. – Завари еще кофейник.

Было сделано. Заодно и Аркадию досталось.

– Давно работаете? – Спросил Аркадий.

– Здесь? Три месяца.

– А вообще в Германии?

– Уже забыла. Год, два. – Наташа отвечала задумчиво, вроде сама себе, подперев ладонью щеку. Этот бабий жест, известный у нас по деревенским посиделкам, получил мировую

известность. То-то Роден, Леже, Дали – все жаловали русских красавиц, а у французов, испанцев вкус тонкий, еще и художественный. И Наташа эта вполне годилась. Аркадий, как известно, по-дилетантски занимался лепкой, мог оценить.

Между тем, кукушка напомнила – десять, затем добавила еще половину, а Аркадий, если не считать помощи секретарше, сидел без дела. *Тратил время*. Для самолюбия это было испытанием. Но он смирял себя. Наконец, объявился хозяин с подобранными гостями. Шпильман попрощался с Аркадием, как с давним знакомым, а по Наташиной голове даже рукой умудрился провести, как бы невзначай. Видно, из той породы, что не упустит случая коснуться женщины. Без всяких намерений. Или есть? Язычество какое-то. Так подумалось Аркадию.

Моргулис проводил гостей до двери и дальше, не поленился, видно, дождался внизу, пока усядутся в машину. Аркадий окончательно уверился, конечно, для Мэры старается, скорей бы была здесь. Во рту У. еще ощущал вкус замечательного бутерброда и кофе. Пора заканчивать с проклятым супом, а питаться разнообразно и вкусно.

Моргулис прошел к себе, и тут же объявился вчерашний старичок немец. За ночь еще порозовел и сейчас, как светился. Только в выпетших глазах стильно стариновское жалостливое выражение. Ясно, куда ему было тягаться с Аркашиным напором. Но тут он был свой. Немчура. Гутен морген. Ладно, поглядим. Поздоровались, уселся рядом с У. под стенку, дожидаться. Через пару минут появился детина охранник, а следом и сам Горлышко – щуплый, высоколобый, морщинистый – сгусток уголовного интеллекта. Этот, ни на кого не глядя, проследовал в кабинет, а охранник устроился в своем кресле – его как ждали, никто и места этого не занимал, выкатил в сторону Наташи могучие чресла. Совещание явно готовилось, тем более, их с немцем почти сразу пригласили.

– Еще раз прошу повторить, что вы от нас хотите? – Моргулис говорил угрюмо, глядел в стол.

– Я, – затвержено начал Аркадий, – как автор гостиницы и ресторана категорически протестую против любой переделки объекта без моего согласия. По закону об авторских правах...

– Которого нет, и неизвестно когда будет, – бесцеремонно перебил Моргулис. – Я с юристами советовался, нет у тебя никаких прав. И не нужно мозги вкручивать.

– Это Шпильман – гад. – Подумал Аркадий. – Мое дело – вас предупредить. Я молчать не буду.

– Перестань. Мы с такими людьми работаем, будешь ты молчать или нет, нам до печки. Понял? Думаешь, на тебя управы нет?

При всем упрямстве и запальчивости Аркадий оставался реалистом и понимал, *управа есть*. Впору было думать об отступлении. Не рисковать же головой из-за этого казино. Не тот случай. Но уйти нужно достойно.

– Ладно, – сказал он, вставая, – Посмотрим. Я, по крайней мере, знаю, как это казино сделать. А этот. – Аркадий чуть повел головой, сделал недостойный, по рыцарским понятиям, жест в сторону конкурента. – Посмотрим, что он вам нарисует. А еще *авторский надзор*. Вам работяги такое накладывают, будете знать. Или вы отсюда собираетесь надзирать? Поглядим, что выйдет.

Моргулис хмыкнул: – Нам, если хочешь знать, его проект на дух не нужен. Втащим столы, ремонт, подкрасим, и пошло дело. Нам подпись его нужна. Потому что он – дипломированный архитектор. Понял?

– А я из леса вышел?

– Он – немец. Это знаешь, как звучит? *Гордо*. А ты – никто. Фирма немецкая. Она, знаешь, куда твой диплом повесит? На гвоздик. Не в городе. На даче. Понял, где?

– Ладно. Посмотрим. – Аркадий повернулся, чтобы уйти, Потом он вспоминал, что именно в тот момент пришло вполне осязаемое чувство освобождения и легкости. Будто ангел взмахнул крылом возле лица. Остудил, призвал образумиться, не трепать нервы. Но Аркадий

был, как все мы, человек вполне земной, деловой и анализ благих пожеланий оставлял на потом, когда пользоваться ими бессмысленно и поздно. Разве, чтобы покаянно вздохнуть. И уж никак не тогда, когда еще можно отойти в сторону.

Но сейчас за спиной раздалось знакомое шипение, хрипы, сипы, которые, услышь он впервые, никогда бы не признал за звуки, издаваемые человеческим существом. Это пытался высказаться Горлышко. Моргулис склонился почтительно. Аркадий ничего не разобрал, но ангел, конечно, тут же снялся и улетел, разочарованный. Честно пытался предупредить.

– Да, Яша, – кланялся Моргулис, посматривая строго на Аркадия. – Да. Ты так хочешь? Пусть делает? А там посмотрим? Но это он говорит, что лучше. А карлик наш? – поворот головы в сторону немца, улыбочка. – Карл? Гут, гут.

Шипение продолжалось. – И этот пусть работает? Конечно. Ничего менять не будем? Ясно, Яша, ясно.

Что было ясно, Аркадий так и не понял. Ни одного слова.

– Ты все слышал? – Спросил Моргулис. – Своими ушами. Согласен?

– На что?

Моргулис только хмыкнул: – Опять ты за свое? Сядешь рядом с немцем и будешь работать.

– А что дальше?

– А дальше, когда дело будет. Пока одни разговоры.

– А деньги?

– Какие деньги?

– Что я даром стараться буду?

– Нет, вы слышите. – Моргулис развел руками. – Знаешь, давай по-хорошему. Ты сам сюда пришел? Или тебя звал кто?

– Твоя жена.

– Ее здесь нет. Откуда я знаю, о чем вы договаривались. А проект нужен сейчас. – Моргулис постучал пальцем по столу. – Через неделю. Ты сам в это дело влез, никто тебя не просил. Давай, решай. Берешься?

– Ты меня за дурака принимаешь? Чтобы я для тебя даром старался.

– Это ты меня принимаешь. Ты знаешь, здесь кто? Ни-кто. Господин ауфидерзейн. Ты законы любишь, так? Так вот, по ихним законам, по немецким, я взять тебя на работу не имею права. А с ним, – Моргулис показал на немца, – у меня контракт. – Немец, хоть знал, что разговор идет о нем, не шелохнулся, выдержка, как у мумии.

– Да, он завтра нас с тобой заложит, – продолжал Моргулис, – придет полиция. Ты штраф будешь платить? Будешь? Значит, так. Хочешь работать – работай, а мне больше голову не дури. Не хочешь – вали отсюда. Потому что мое терпение кончилось.

Аркадий молчал. Какая-то правота – неприятная и колючая в словах Моргулиса была. Действительно, явился, требует. А ты делом докажи. Конечно, они и думать не могли подступиться к ресторану без его согласия. Так он считал. Но они-то как раз не сомневались в обратном. А сколько сейчас перестраивается в его родном городе вообще без всякого согласия? Сколько интерьеров летит к чертям в угоду капитализму, этому монстру, пожирающему без остатка, с костями. Взять хоть бы рыбный магазин в центре города. *Океан*. Сколько там всего было, если вспомнить. И что же? Исчезла рыба, и сам магазин вычистили вслед. Втащили три гнусных *форда*, и прощай кормушка для старушек и их кошек – верных спутниц одиночества. Прощай навсегда надежда на мороженую рыбку. На хек, треску, плюгавую мойву. Теперь даже и не упомнишь. Нет ее, нет. И магазина, как видим, такого нет. Сияют нагло в магазинном нутре машинные бока. И никому до наших старушек дела нет. Кто спросил потерянных, мыкающихся горожан? А ведь на их денежки строили. Кто? Мети метла веселей. Хватай – пока дают, а нет – отвали. Кто кого будет спрашивать? Что это ему померещилось?

– Ну? – Спросил Моргулис жестко. – Согласен?

Если бы предоставить слово статистике, наверняка, можно сказать, большинство архитекторов, а хороших – тем более, знающих свое дело, работать бы на таких условиях отказались. Ведь ясно, берут за горло. И крепко. Но Аркадий был не таков, чтобы уйти от вызова судьбы.

– Можно попробовать. А кто результат будет судить?

– Не волнуйся. Конфетку мы рассосем. – Теперь Моргулис, развернувшись к немцу и стал длинно объяснять. Немец протестующе затараторил, но Моргулис нажимал интонацией, не отступал. Похоже, в конце концов, договорились. По крайней мере, немец притих.

– Насчет проекта я его уговорил. – Подтвердил Моргулис. – И лишнего стола у него есть. Или доска, как там у вас. Но давать он тебе ее не хочет.

– Ты спросил? – Удивился Аркадий.

– А как же. Где ты возьмешь? Они, между прочим, не из воздуха. Ты об этом подумал, когда права качал?

Аркадий отмолчался. Что ответить? Но тут Горлышко опять засвистел, забулькал. Вообще, Аркадий заметил, что речь его начиналась именно с бульканья. Моргулис с готовностью закивал. Нужно было видеть, как он менялся, переводя взгляд с Аркадия на заказчика. Позвали охранника. Тот зашел, встал, блестя гладко зачесанными, будто только из душа, волосами, жевал резинку Горлышко нацарапал на бумажке, Моргулис подхватил, добавил что-то свое и отдал парню. – Янис. Что такое кульман знаешь? Хотя...

– Знаю, – неожиданно подтвердил охранник. – В Риге видел.

– Молодец. Ну, Яша, у тебя кадры. Заедешь к нему. – Моргулис показал на немца. – Возьмешь стол. Потом в прокат, по этому адресу. Найдешь там Кудирку. Скажешь, от меня, и возьмешь еще один. И сразу назад. Шеф будет ждать.

Горлышко кивнул, парень исчез.

– Все, – подытожил Моргулис для Аркадия. – И давай договоримся. Пока работу не сделаешь, мы других вопросов не касаемся. Так, Яша? Сам вызвался. Давай, работай.

– Кульман в приемной ставить?

– Да. Рядом с немцем. И главное, больше голову не морочь. У меня дел вот. – Моргулис провел ребром ладони по шее, ограждая голову от дальнейших посягательств.

– Еще бы, – холодно подумал Аркадий. – Жулики проклятые.

Вышел из кабинета. Моргулис объявился следом, распорядился секретарше: – Этот будет работать вместе с немцем. Станешь немца кормить, и ему давай.

– Из торга звонили. Обещали сегодня товар привезти.

– Сама примешь. Меня не беспокой. Только если позвонят. – И Моргулис укрылся в кабинете.

Аркадий присел и расслабился. Он выстоял, как дерево под ураганом. Не поддался. Хотя желание плюнуть на все и уйти стало почти нестерпимым. Но другая, упрямая часть натуры держала мертво, как якорь за камни, почти против собственной воли, повинуюсь не разуму, а чему-то другому, что переломить в себе он никак не мог. Ясно, в его уходе было бы усмотрено малодушие, это допустить было невозможно. Не в его характере. Сейчас важно перетерпеть, не жаловаться, бороться за свое. А там посмотрим. Так У. рассуждал, сидя рядом с немцем. Тот пока дулся, но именно с немцем нужно было быть сейчас поласковее. От него зависел успех дерзкого начинания. Аркадий распахнул бумажник и ткнул под нос фрицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.